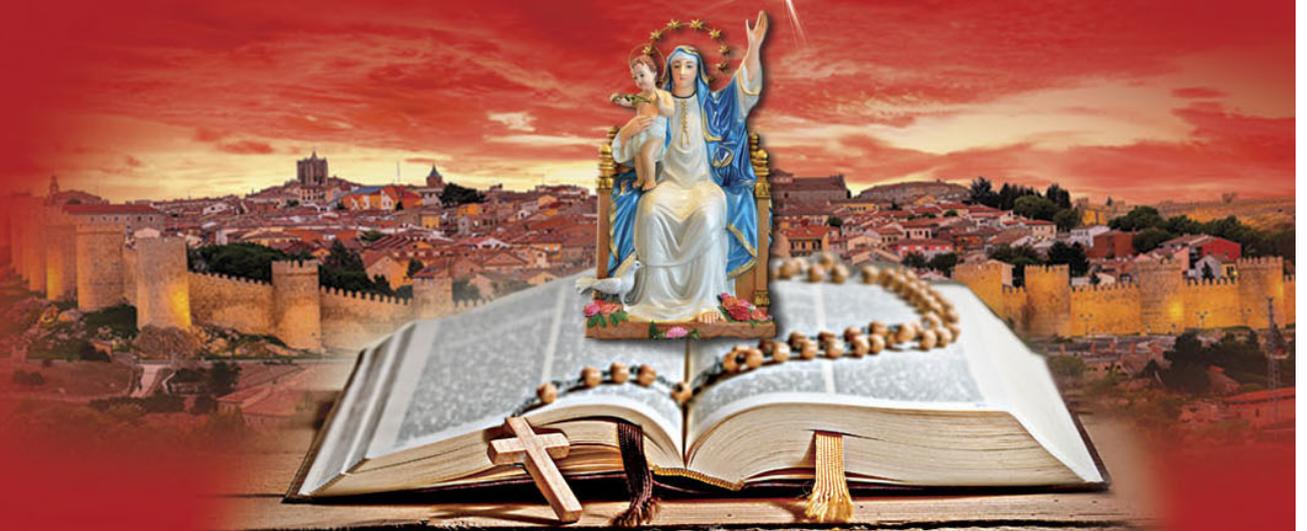

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Пятьсот лет
Четки Дня и Четки Ночи
были разделены, и,
согласно преданию, когда
они встретятся, власть
сосредоточится в руках
Короля Ночи!..

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Четки Изабеллы Кастильской

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Четки Изабеллы Кастильской

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Четки Изабеллы Кастильской / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-115430-1

Уезжая из Испании, дон Аврахам Студнис увез уникальное сокровище – четки-розарий королевы Изабеллы Кастильской. Королева дала их купцу в качестве залога за денежный заем, который ей понадобился, чтобы оплатить экспедицию Колумба. Расплатиться она не смогла, и четки остались в руках кредитора... Лидию Карасеву преследуют призраки прошлого. Она еле успела убежать, скрыться, как снова ввязалась в скверную историю. Ее задержали прямо над трупом неизвестного мужчины в соседской квартире, и, как ей кажется, полицейские на самом деле – переодетые бандиты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115430-1

© Александрова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Наталья Александрова Четки Изабеллы Кастильской

Лифт не работал.

Я поднялась на четвертый этаж и остановилась в растерянности.

Дверь соседской квартиры была приоткрыта, и оттуда бешено несло горелым. Я остановилась перед этой дверью и озабоченно крикнула в квартиру:

– Катя! У тебя все в порядке?

По-моему, нет ничего более дурацкого, чем этот вопрос. Это в дешевых американских фильмах на героя падает балкон вместе с кариатидами, или налетает машина, или вислоусый бандит выпускает в него целую обойму, и после этого какой-нибудь сердобольный прохожий непременно спрашивает его: «Are you okay? Вы в порядке?»

Но ничего лучшего мне в голову не пришло.

Из квартиры мне никто не ответил.

Я хотела было заглянуть и убедиться, что с Катериной не стряслось несчастье, то есть не устроила она в квартире пожар и не отравилась газом, но тут вспомнила, что держу под мышкой стопку документов, за которые Студнев мне голову оторвет.

Документы выносить из офиса не положено, но сейчас, когда фирма работает из-за карантина, по выражению самого Студнева, «на полуудаленке», приходится пренебрегать правилами. Я сижу дома и учитываю продукцию на компьютере, как делала это раньше в офисе, но два раза в неделю приезжаю, чтобы получить накладные и еще кое-какие важные документы за подписью начальства и поставщиков. И каждый раз Студнев выдает мне папку с зубовным скрежетом и нудит, чтобы я, не дай бог, ничего не потеряла и, вообще, берегла эти несчастные накладные, как собственного ребенка (ой-ой-ой...).

Поэтому я достала ключи, открыла дверь своей квартиры, сбросила пальто на стул, туда же положила документы и свою сумку, ключи на всякий случай сунула в карман джинсов, и только после этого снова вышла на лестничную площадку.

Из Катериной квартиры несло гарью и тянуло дымом еще сильнее, чем прежде.

Я на всякий случай снова крикнула в дверь ту же глупую фразу, не дождалась ответа и вошла внутрь.

А что мне оставалось делать? Вдруг Катерина лежит без чувств на полу? Раз развела такую вонь...

Надо сказать, что мы с Катей не сказать, чтобы близкие подруги. Да и когда бы я с ней успела подружиться, если всего две недели как живу в этом доме? Но об этом потом.

Первым делом я устремилась на кухню, потому что именно оттуда сильнее всего пахло гарью.

И, естественно, Катерины там не было, зато на плите стояла черная от копоти кастрюлька с непонятной бурдой, из которой валил сизый дым. Первым делом я закрутила газовый кран под этой кастрюлей, но она продолжала дымиться.

Я огляделась по сторонам – чем бы прихватить чертову кастрюлю, чтобы убрать ее с плиты? Потому что кастрюля была самая обычная, из дешевых, у которых ручки накаляются.

На столике рядом с плитой лежала рукавичка-прихватка.

Я схватила ее, при этом на пол, громко звякнув, упал большой разделочный нож. Я торопливо надела рукавичку, сняла с плиты кастрюлю и поставила ее в раковину.

После этого машинально подняла нож и положила обратно на стол.

При этом – так же машинально – отметила, что нож в крови.

Ну, мало ли, Катерина разделявала мясо... Вот оно и сгорело в уголья вместе с кастрюлей.

Да, но сама-то она где?

Я вышла из кухни в коридор и снова окликнула ее.

Никакого ответа.

Да куда же она подевалась? Дверь оставила нараспашку, а сама смоталась? Странно... Не то у нас сейчас время, чтобы двери открытыми оставлять...

Я прошла через коридор и толкнула дверь в комнату.

Дверь не сразу поддалась – что-то мешало ее открыть.

Я нажала посильнее, дверь открылась, я заглянула в комнату и повторила:

– Катя, ты здесь?

И снова никто мне не ответил.

Зато, когда я опустила глаза, чтобы посмотреть, что мешало мне открыть дверь, я увидела на полу человеческое тело.

Только это, безусловно, не была Катерина. Это был мужчина. Он лежал на полу лицом вниз, как раньше говорили, ничком, и вокруг него расплывалось большое темное пятно.

– Мама... – проговорила я испуганно и попятилась.

Только мне ко всем моим неприятностям не хватало мертвого мужчины! А мужчина этот точно был мертвый. Вот не спрашивайте, как я это сообразила, вот поняла – и все. Лежал он как-то... как мешок с мукой, то есть совсем неподвижно. Мне виден был только прилично заросший рыжеватыми волосами затылок и белая проплешина на шее, как будто шрам от давнишнего ожога. И все это было неподвижно.

Я закусила губу и попятилась, не сводя взгляда с трупа. Почему-то мне было страшно отвести от него глаза – хотя смотреть на него тоже было страшно, но почему-то мне вдруг показалось, что, стоит мне отвернуться, как он вскочит на ноги и схватит меня.

Ага, получится возвращение живых трупов, то есть я сама себе противоречу, но в данный момент было не до логики.

Я медленно пятилась, как вдруг у меня за спиной раздались быстро приближающиеся шаги, и незнакомый визгливый голос прокричал:

– Да что это ты делаешь в моей квартире? Да ты что вообще тут устроила?

На этот раз мне волей-неволей пришлось обернуться.

В коридоре у меня за спиной стояла Катерина. Волосы у нее были растрепаны, глаза горели, на лице тоже пылали красные пятна. Натуральная ведьма. Она заглянула через мое плечо в комнату и вскрикнула тем же знакомым истеричным голосом:

– Что ты наделала?! Ты его убила! Ты его зарезала!

Я подумала, что у Кати истерика, и попыталась успокоить ее – хотя кто бы меня саму успокоил!

– Кать, ты что? Что ты такое говоришь? Я только сейчас зашла, я увидела, что из твоей квартиры валит дым, и зашла проверить, все ли у тебя в порядке...

Но она меня, похоже, не слушала. Она вопила все тем же чужим заполошным голосом:

– Ты его убила! За что? Зачем? Что он тебе сделал?

– Катя, да что ты несешь? Я этого человека вообще первый раз в жизни вижу!

Я сделала шаг к ней, взмахнула рукой, но она попятилась и заорала вовсе уж что-то несусветное:

– Не подходи ко мне! Убийца! – И тут же отпрянула в сторону, на кухню, что ли, убежала, я не поняла.

Потому что буквально тут же в дверях квартиры появились еще трое. Это были мужчины, похожие на персонажей криминального сериала. Может, на ментов, а может, и на бандитов, сразу и не отличишь.

В прихожей сразу стало тесно.

– Полиция! – рывкнул один из них, оглядываясь по сторонам. – Нам поступил сигнал... что здесь произошло?

– Вот она! – Катерина из кухни ткнула в мою сторону пальцем с ярко-красной каплей маникюра. – Вот она убила человека! Я ее застала прямо на месте преступления!

Второй полицейский тут же шагнул к ней и протиснулся в кухонный проем.

– Да не слушайте ее, – проговорила я как можно спокойнее, хотя голос у меня дрожал. – Не слушайте ее, у нее истерика! Она сама не знает, что говорит!

– Не знает? – Тот первый полицейский легонько подвинул меня и заглянул в комнату. – Вы говорите, не знает? Однако труп действительно имеется... конечно, до приезда экспертов я ничего не утверждаю, это не в моих правилах, но на первый взгляд причиной смерти является рана, нанесенная...

Договорить он не успел, потому что из кухни вышел второй полицейский. Лицо у него было торжествующее, как будто он только что выиграл главный приз лотереи, а в руках он держал прозрачный пакет, в котором находился нож. Тот самый разделочный нож, который я уронила на пол. А потом подняла.

– А вот и орудие убийства! – проговорил он так радостно, как будто нашел золотой самородок.

– Это она, она его убила! – твердила свое Катерина. – Я вошла, а он лежит на полу, а она стоит над ним...

– Да я к нему даже не прикоснулась!

– Не прикоснулись? – переспросил первый полицейский. – А откуда же тогда кровь на ваших руках?

– Кровь? – Я изумленно взглянула на свои руки.

На руках у меня, и правда, были ржаво-коричневые пятна. Очень похожие на кровь.

– Да это от ножа... – проговорила я растерянно – и тут же поняла, какую глупость ляпнула. Да было уже поздно, слово – не воробей, вылетит – не поймаешь...

– От ножа? – повторил за мной второй полицейский, и радость на его лице стала еще ярче. – Значит, вы признаете, что держали в руках орудие убийства?

– Предполагаемое орудие убийства! – солидно поправил его номер первый.

– Ну да, я его подняла с пола... когда снимала кастрюльку с огня...

– Значит, это ваша квартира? – спросил тот же номер первый.

– Нет, это не ее, это моя квартира! – перебила его Катерина. – А что она тут делала, я понятия не имею! И как она в нее попала, тоже... я ее не впускала...

– Кать, да ты что? – Я взглянула на нее. – Я шла мимо, увидела, что из твоей квартиры валит дым, и зашла, чтобы...

– А что вы можете сказать об убитом... потерпевшем?

– Ничего! – проговорила я.

– Ничего! – в один голос со мной выпалила Катерина. – Я его никогда не видела. Это, наверное, ее знакомый.

– Да я его тоже никогда не видела...

– Так, – спокойно и рассудительно проговорил полицейский номер один. – Ситуация в общих чертах ясна. Вас, гражданка, мы задерживаем по подозрению в убийстве неизвестного. А вас, – он повернулся к Катерине, – вас просим пока никуда не уезжать, нам, может быть, еще придется задать вам кое-какие вопросы. То есть точно придется... можете в этом не сомневаться...

– Но постойте, – пролепетала я, оторопев, – как же... почему... так же нельзя...

Но они меня не слушали.

Полицейский номер три, который до того молча следил за развитием событий, подошел ко мне, схватил за руку... я и моргнуть не успела, а на запястье уже защелкнулся стальной браслет, второй он надел себе и повел меня на лестницу.

– Господи, да что же это... – лепетала я, не в силах поверить, что все это происходит со мной и на самом деле.

Меня, однако, никто не слушал. Полицейский вел меня вниз по лестнице, двое других шли следом.

Когда мы проходили мимо третьего этажа, дверь одной квартиры приоткрылась, оттуда выглянула физиономия в самодельной защитной маске в розовых поросятах. Над маской виднелись горящие от любопытства глаза.

Ну да, это тетка из семнадцатой квартиры. Кажется, ее зовут Варвара Петровна. Или нет – Варвара Семеновна. Жуткая личность. Сплетница, каких мало. Та же Катя говорила мне, что до карантина она часами торчала перед подъездом и внимательно следила за всеми обитателями дома, а теперь, поскольку на улице находиться нельзя, она пытается следить из своей квартиры.

– А вы чегой-то без масок ходите? – прошамкала тетка невнятно из-под маски.

Один из полицейских, который шел позади меня, рявкнул на Варвару:

– Закройте дверь немедленно! Тут вам не цирк! И вообще, мы при исполнении...

Тетка испуганно втянула голову в квартиру, как черепаха в панцирь, щелкнула замком. Но она, конечно, успела разглядеть, как меня вели по лестнице, так что теперь весь дом будет знать...

Впрочем, не об этом мне сейчас надо думать.

– Таких, как вы, никакая зараза не возьмет! – крикнула Варвара, отворив дверь, и тут же ее захлопнула перед носом последнего парня, который сильно пнул ногой железную дверь, от чего она негодуяще загнула губы.

Мы вышли на улицу. Меня втокнули в неприметную серую машину и куда-то повезли. Хорошо хоть, у подъезда никто сейчас не ошивается, каждый норовит проскочить поскорее в дверь и запереться в собственной квартире.

Сперва я пыталась следить за дорогой, пыталась понять, куда меня везут, но машина то и дело поворачивала на светофорах, и очень скоро я запуталась. Тем более что я всегда не слишком хорошо ориентировалась на местности, один малоприятный тип говорил мне, что у меня топографический кретинизм. Я тогда, помню, ужасно на него обиделась и прервала всяческие отношения.

Да... как же давно это было. И какая я была глупая, если обижалась на такую ерунду.

Перестав следить за дорогой, я задумалась.

Вот интересно, почему Катка так на меня набросилась? Вроде я ей не сделала ничего плохого, и до сих пор она нормально ко мне относилась, мы с ней даже чуть не подружились. Хотя какая уж тут дружба, когда я всего две недели в этом доме живу. То есть, если точно сказать, квартиру снимаю.

Когда точно мы познакомились, я помню. Я вообще стараюсь откладывать в памяти все мелочи, вроде бы и ненужные на первый взгляд. Жизнь научила меня, что ничем нельзя пренебрегать и что никогда не знаешь, что может пригодиться впоследствии.

Так вот, было это дней через пять после моего вселения в эту квартиру, как раз в субботу. Я шла из магазина, где купила пару кружек с зайчиками и медвежатами (их предлагали с большой скидкой), стиральный порошок и еще кое-что в хозяйство. Потому что тетка, что сдала мне квартиру, оказалась порядочной выжигой.

Квартира-то была в неплохом состоянии – не то чтобы евроремонт, но относительно чисто. Но совершенно пусто. На кухне две кастрюли, ровесницы Русско-японской войны, тарелки с отбитыми краями и погнутые алюминиевые вилки (где она их нашла-то, интересно бы знать, скорее всего, на помойке).

В ванной даже обмылка паршивого не было. И лампочек тоже не было, причем они не перегорели, а были просто вывернуты. И я постепенно кое-что самое необходимое приобретала.

И вот захожу я в лифт, а тут летит какая-то девица и орет, чтобы подождали. Ну, мне не жалко, я придержала двери.

И втискивается она в лифт, в руке у нее горшок с цветком, на локте сумка висит, под мышкой – пакет, плечом телефон придерживает, а ногой еще коробку толкает.

Тут у нее телефон выпадает, она пытается его рукой перехватить и чуть не роняет горшок с цветком.

Горшок я подхватила и коробку в лифт втащила. Оказалось, ей тоже на четвертый, так что я помогла все вещи в квартиру внести.

Квартира у нее оказалась однокомнатная, как и у меня, я не спросила, снимает она или в своей живет.

Катерина, как представилась она еще в лифте, быстро распихала покупки и в благодарность за помощь пригласила меня на кофе. Кофе сварила она в обычной медной турке, но это пока, сказала тут же, поскольку в коробке оказалась новая кофеварка, так что приходи завтра, обмоем покупку.

Мне не очень хотелось идти к ней, но отказаться было неудобно, так что я купила в магазине напротив дома пирожных и пошла в гости.

Мы очень мило поболтали, в основном трепалась Катерина, сообщая мне сплетни про соседей, тогда-то я и узнала про Варвару Петровну. Или Семеновну, без разницы, в общем.

Квартирка у Кати была однокомнатная, как и моя, еще на площадке одна однокомнатная, в ней жила Зинаида, которая со мной не общалась, а большая трехкомнатная заперта, поскольку хозяева проживают на даче.

Сама Катерина мне показалась девкой непротивной, держалась по-свойски, что мне понравилось, – особо не любопытничала, не спрашивала, кто я, да откуда, где работаю, есть ли у меня кто-то или в данный момент на безрыбье нахожусь.

К болтовне ее я особо не прислушивалась, а зря, потому что сейчас понимаю, что про себя-то она тоже ничего не рассказывала, так, больше про соседей трепалась. Внешне тоже ничего особенного, как все, полновата немножко, а так все в норме. Постарше меня, то есть тридцать пять ей точно есть, а может, и больше. В общем, никаких опасений она с моей стороны не вызывала.

Потом мы пару раз сталкивались в лифте, и я уже подумывала, что нужно мне пригласить Катерину к себе чайку попить, так сказать, для развития отношений, вот только прикуплю еще посуды и хотя бы чайник электрический – и соберусь.

Не успела. Но, вообще-то, правильно сделала. Нужно было сразу вежливо отказаться от кофе. И сегодня нужно было мне пройти мимо открытой двери, да пускай там хоть пожар, хоть потоп, хоть крыша провалится!

Но я ведь и представить не могла, что она такую подлянку мне подсунет! Сама, наверное, убила мужика, а на меня решила свалить! Нарочно кастрюлю на газу оставила, подгадала к моему приходу. Верно рассчитала, что я зайду.

Но с другой стороны, непонятно, как соседи ничего не заметили. Ведь такая вонь на площадке стояла... Ах да, этих, из трехкомнатной, нету, а Зинаида вообще наружу не выходит. Видела ее один раз мельком, так она даже на приветствие не ответила.

И еще одно странно.

Как-то слишком быстро появились эти менты. Они сказали, что приехали, потому что поступил сигнал, но что-то здесь явно не вяжется... от кого это он поступил... От самой Катьки, что ли... больше некому позвонить было.

Додумать эту мысль до конца я не успела, потому что машина остановилась, меня вытащили на улицу и поволокли к приземистому зданию.

Один из конвоиров ткнул меня в бок и злобно прошипел:

– Не верти головой! Не зыркай по сторонам!

Я успела только увидеть, что здание двухэтажное, довольно обшарпанное и запущенное. И тут же меня втолкнули в какую-то дверь, так что я при всем желании ничего не успела разглядеть.

Дверь захлопнулась.

Мы оказались в пустом гулком коридоре, тускло освещенном светом из узких редких окошек. Стены коридора были выкрашены унылой темно-зеленой краской, и в них было множество обшарпанных дверей, как в каком-нибудь третьесортном учреждении.

Меня провели по этому коридору и втолкнули в небольшую комнату. Стены здесь были такого же, как в коридоре, гнусно-зеленого цвета, из мебели имелся пустой сильно исцарапанный стол и несколько металлических стульев.

Меня усадили на один из этих стульев; тот тип, который был пристегнут ко мне наручниками, снял со своей руки браслет и приковал меня к трубе отопления. Мои ноги он примотал куском скотча к ножкам стула, чтобы я не могла встать.

В голове у меня мелькнула какая-то неясная мысль... но тут же уплыла, исчезла в темной глубине.

Вместо нее пришел страх. Все случилось так быстро, что я не успела осознать весь масштаб катастрофы. А в машине, вместо того, чтобы обдумать свое положение, вспоминала зачем-то Катюку. Да уж, нашла о ком думать...

Полицейский проверил, надежно ли я прикована, потом бросил ключ в ящик стола и задвинул его.

Только теперь я смогла разглядеть троих своих конвоиров.

Тот, которого я назвала Первым, был хмурый мужик лет сорока, с короткими желтоватыми волосами и темными подглазьями. Второй был моложе, долговязый брюнет с трехдневной щетиной на подбородке. Был еще и Третий – толстяк с растрепанными светлыми волосами и маленькими свинячьими глазками.

Первый полицейский придвинул ко мне стул, сел на него верхом и уставился на меня тяжелым, пристальным взглядом.

Я заерзала под этим взглядом, вжалась в спинку стула.

Наконец он заговорил – медленно роняя слова, как тяжелые камни или чугунные болванки:

– Нехорошо, Лидия Викторовна!

И снова замолчал.

А я снова задумалась. Вот откуда он знает мое имя? Я его точно не называла, и документов никаких они у меня не спрашивали...

Вот именно, схватили меня и привезли, не спросив даже, кто я вообще такая, как оказалась в той квартире, документы опять же... И сами не представились, кто они вообще такие, из какого отделения, и вот сидит этот тип не за столом, а напротив меня. А как же протокол вести? Или это только следователь под протокол допрашивает?..

Я порядков этих не знаю, но что-то тут не то.

Впрочем, это было не самое главное.

– Я не убивала того человека! – проговорила я как могла убедительно. – Говорю же вам – он уже был мертв, когда я вошла! Ну, то есть, я у него пульс не проверяла, но он лежал на полу, и по всему было видно, что он уже мертв...

Но полицейского мои слова не заинтересовали. По-моему, он их и не слушал. Он повторил таким же чугунным голосом:

– Нехорошо!

Тут у него над плечом появился Второй и рявкнул:

– Где они?

Так, во всем этом было что-то неправильное. И коридор, по которому они меня вели, не похож на коридор в полицейском участке – уж больно он пустой, безлюдный. И сама эта троица не похожа на полицейских... правда, я не так уж много видела полицейских, но все же их разговоры... что-то явно не вяжется...

Первый обернулся к напарнику, взглянул на него укоризненно и поднял ладонь, как будто придерживая не в меру ретивого приятеля. Потом снова повернулся ко мне и повторил те же самые слова:

– Где они?

– О чем это вы? – спросила я растерянно.

Я вообще перестала понимать, что происходит.

– Ты прекрасно знаешь, о чем! – злобно проговорил Второй. – Не валяй дурочку!

Первый снова придержал его ладонью и снова повторил за ним, изменив интонацию:

– Вы прекрасно знаете, о чем мы говорим.

– Да я понятия не имею!..

Тут в поле моего зрения появился Третий. Он прищурился, фыркнул и проговорил:

– Может, ее... того? Утюгом или паяльником?

– Утомонись, Боров! – прикрикнул на него Первый. – Я без тебя знаю, что делать!

Я подумала, что Третьему очень подходит его кличка. Он и правда похож на откормленного борова.

И неожиданно я не то чтобы успокоилась, но перестала бояться. Хотя, казалось, услышав про паяльник и утюг, должна была забиться в истерику. Но не тут-то было. Потому что я поняла, что это не менты. И раньше были у меня подозрения, а теперь они перешли в уверенность. Точно, никакие это не менты, а самые обычные бандиты.

И не то чтобы это для меня лучше, но, похоже, убийство того мужика их совершенно не интересует. А интересует совсем другое, но что – я понятия не имею.

А Боров не унимался:

– Знаешь, знаешь... вы с ней два часа тут возиться будете, а я сегодня не обедал... знаешь, как жрать охота?

– Потерпишь! – оборвал его Первый.

– Да, тебе хорошо говорить, а у меня прямо внутренности скрутило!

– Потерпишь! – рявкнул уже Первый и снова повернулся ко мне с тем же вопросом:

– Где они?

Тут снова возник Второй и злобно прошипел:

– Ты все равно заговоришь-шь! Ты все равно все скажешь-шь! Когда тобой займется Зеленый – он тебе быстро язык развяжет! Он это здорово умеет!

Первый снова недовольно покосился на него:

– Подожди! И не болтай лишнего!

– Да что с ней церемониться? – горячился Второй. – Мы ее почти полгода искали! Она думала, самая умная! Думала, скроется от нас!

– Обожди, Кирпич! Она – женщина умная, она понимает, что деваться некуда, она нам сейчас все расскажет...

И снова повернулся ко мне:

– Лида, Лидия Викторовна! Вы же понимаете – другого варианта нет, то есть, он есть, конечно, но он вам совсем не понравится... лучше скажите сразу, где они!

Ну да, понятно, они играют в доброго и злого полицейского. Второй – злобный, нервный, неуправляемый, и Первый на его фоне должен казаться лучше. И по сценарию я должна на это купиться и все ему рассказать. Все, что знаю.

Вот интересно, они что, всерьез решили, что я поверю, что они полицейские? Или за полную дуру меня держат? А этот Первый еще говорит, что я – умная женщина.

Вот откуда он это знает? Откуда они вообще меня знают? Неужели... но про это сейчас думать нельзя.

А хорошо бы все же знать, чего они от меня хотят. О чем спрашивают.

В это время из кармана Первого донеслась бодрая мелодия. Он вытащил телефон, взглянул на дисплей и переменялся в лице, хмуро взглянул на своих спутников – мол, тише! – и бережно поднес трубку к уху, как будто это была хрупкая драгоценность. Или наоборот – ручная граната с выдернутой чекой.

– Да, Артур Васильевич... это я, Артур Васильевич... ну да, они тоже со мной... что вы говорите? Да, мы немедленно едем... нет, Артур Васильевич, я все понял!

Прервав разговор, он оглядел свою команду и проговорил:

– Артур звонил! Велел немедленно выдвигаться к нему. Там такие заморочки...

– А что с ней? – Второй кивнул на меня.

– С ней останется Боров. – Он повернулся к Третьему и строго проговорил: – Головой за нее отвечаешь!

– А как же... – заныл Боров. – Я поесть не успел... у меня с утра крошки во рту не было...

– Перебьешься! Потерпишь! Если что случится – лично с Зеленым будешь иметь дело!

Двое тут же вышли из комнаты.

Боров сел на стул по другую сторону стола, мрачно поглядел на меня. Потом выдвинул ящик, пошарил в нем – может быть, надеялся найти что-нибудь съестное. Ничего, конечно, не нашел, тяжело вздохнул и задвинул ящик.

Я молчала, прикидывая, как бы его обдурить половчее, чтобы снял наручники. Видно, что мозги у этого типа если и были, то давно жиром заплыли, не работают совсем.

Тут у него зазвонил телефон.

Он торопливо достал его, поднес к уху, лицо его расплылось в довольной улыбке:

– Это ты, Пампусик? Ну, как ты там? Да я тут, понимаешь, застрял... да, сверхурочная работа... да, не знаю, до какого времени... что, ты говоришь, приготовила? Лазанью? С мясом и грибами? Ух ты! Моя любимая! Ой, ну, никак не могу! Ты же знаешь – я на работе... Тут со мной еще человек... никак не могу оставить... Что? И песочный пирог с вареньем? Ну, ты даешь! Ох, ну прямо не знаю... может, на полчаса смогу... ну да... тут человек, но он меня подождет...

Он еще немного послушал, потом убрал телефон в карман и повернулся ко мне:

– Значит, так. Я сейчас уйду – буквально на десять минут. А ты будешь тут сидеть, как сидела. И если будешь себя хорошо вести – я тебе принесу поесть. Но если ты что-нибудь удумаешь... если попытаешься сбежать... тогда все! Я тебе гарантирую полный абзац! Полные кранты! И утюг, и паяльник, и остальную бытовую технику... все поняла? Или еще раз повторить?

Он сделал зверскую рожу, задвигал желваками – и я торопливо кивнула, стараясь не рассмеяться.

Господи, какой идиот! Но мне с ним, конечно, повезло. От его глупости и разгильдяйства у меня появились реальные шансы вырваться на свободу.

Боров на всякий случай проверил мои наручники, убедился, что они надежно закрыты и прикованы к трубе, еще раз грозно посмотрел на меня и торопливо выскочил из комнаты – теперь у него на лице было написано предвкушение. Его ждали лазанья с мясом и грибами, пирог с вареньем и Пампусик...

Да, с каждой минутой я все больше убеждалась, что троица, которая меня сюда привезла, не имеет никакого отношения к полиции. Их разговоры, их клички, их странные расспросы... похоже, их совсем не интересовал труп в Катькиной квартире, они спрашивали меня о чем-то другом, но вот о чем – я так и не смогла понять. Все время повторяли – «где они»? Вообще, все их поведение, и это странное место, куда они меня привезли, явно не укладывались в их легенду.

А это значит, что мне нужно сделать все что угодно, но только сбежать отсюда как можно быстрее, пока они не вернулись. Иначе живой они меня отсюда не выпустят. Это точно. Хотя ничего от меня и не добьются, потому что я ничего не знаю.

Едва дождавшись, когда шаги Борова стихнут в коридоре, я повернулась к трубе, к которой была прикована.

Я уже давно почувствовала, что труба эта холодная. А что из этого следует? Что отопление в этом здании отсутствует, оттого так холодно.

Вообще было такое чувство, что здание нежилое, во всяком случае, точно, что сейчас, кроме меня, тут не было ни одной души. И батареи не работают, и воду, наверное, давно отключили. И электричество тоже, оттого коридор был полутемный, в окошки только чуть света попадало.

Чтобы проверить свою догадку, я начала сдвигаться вместе со стулом вдоль трубы. Для этого я отталкивалась ногами от пола и медленно отодвигалась назад.

Поскольку двигаться приходилось назад, я не видела пол на своем пути, и в какой-то момент ножка стула на что-то наткнулась, и я чуть не упала вместе с этим стулом. Но удержалась за счет наручников, вернула равновесие и, извернувшись, сумела посмотреть, на что налетела. Это оказался какой-то ящик.

Кое-как, вытянув прикованную руку, я объехала на стуле вокруг ящика и двинулась дальше.

Скоро я доехала до угла комнаты. Здесь труба, к которой я была прикована наручниками, уходила в стену. Я подергала ее и почувствовала, что труба немного шатается. То есть, как я и надеялась, она ни к чему не приварена.

Я пошатала ее еще немного, а потом дернула на себя, сколько хватило сил, еще и еще раз...

И – о, радость! – конец трубы вылетел из стены.

Я торопливо сдвинула с нее второй наручник – и освободила руку. Правда, на ней еще был застегнут браслет наручника, но все же у меня появилась надежда.

Теперь дело пошло проще. Я наклонилась и с трудом оторвала скотч, которым мои ноги были примотаны к стулу.

Свобода!

Я встала, подошла к столу, выдвинула его ящик – и с радостью увидела в нем ключ от наручников. Этот идиот Боров даже не удосужился взять его с собой! Забыл просто.

И вот я достала ключ, открыла замок наручников – и полностью освободилась.

Полностью ли?

Правда, я уже не сомневалась, что эти трое – вовсе не полицейские, а значит, я не в участке. Но все же опасность еще не миновала... Может, тут сторож какой-нибудь бродит...

Я выглянула в коридор, прислушалась.

В дальнем его конце послышался негромкий звук, словно там что-то упало.

Я застыла как вкопанная.

Неужели я не успела убежать? Неужели кто-то из тех троих уже вернулся?

Я немного выждала.

Звук не повторился, и тогда я тихонько двинулась вперед.

Жизнь научила меня, что не нужно дважды идти по одному и тому же маршруту – и я пошла не в ту сторону, откуда меня привели, а в обратную. Что-то мне подсказывало, что в этом здании не один выход, и так у меня будет больше шансов не столкнуться в дверях с теми фальшивыми полицейскими.

Я прошла уже большую часть коридора, как вдруг впереди снова раздался подозрительный звук.

Я опять застыла, пригляделась – и увидела в углу возле двери большую полосатую кошку. Она вылизывала котенка и смотрела на меня недовольно – мол, ходят тут всякие, мешают!

– Не волнуйся, я тебя не трону! – проговорила я негромко и прошла мимо этой семейной идиллии.

Коридор сделал поворот.

Я выглянула из-за угла.

К счастью, там никого не было, зато была металлическая дверь, наверняка ведущая наружу.

Я подошла к ней. На двери был обычный засов. Я без труда отодвинула его.

Очень осторожно, почти не дыша, я приоткрыла дверь на малюсенькую щелочку. С улицы пахло холодом и свежестью, там было тихо.

Я растворила дверь пошире и решилась. Мигом выскользнула на крыльцо и скатилась со ступенек. И тут же вляпалась в лужу, которая располагалась прямо рядом с крыльцом. Хорошо хоть, не села в эту грязь, только ботинки испачкала.

Я огляделась мимоходом и увидела, что вокруг никого нету – как в песне поется: «ни машин, ни людей».

Дом, где, как я думала раньше, находится отделение полиции, оказался двухэтажным, довольно запущенным оштукатуренным особнячком, и не горело в нем ни одно окно. Сейчас апрель, хоть темнеет и поздно, а все же сумерки.

Так вот перед входом тоже не горела лампочка, и дальше, вдоль дорожки тоже не было ни одного фонаря.

Вот именно. Не было перед входом заасфальтированной площадки, куда машины ставят, и вот интересно, как же они сюда задержанных доставляют? Меня прямо к крыльцу подвезли, понятно теперь, почему велели головой не вертеть, чтобы не поняла ничего.

Стало быть, никакое это не отделение полиции, а пустой заброшенный дом.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове в то время, пока я ужом скользнула в близлежащие кусты. Кусты неприлично разрослись, да еще там торчали стебли прошлогодней крапивы и репейников, но на такие мелочи я не обращала внимания.

Затаившись, я поглядела на дом. Тишина. Меня пока не хватились.

Что ж, надо отсюда выбираться.

Я высунула голову из кустов и огляделась.

От крыльца дома вела когда-то очень давно заасфальтированная дорога, по которой уехала машина. За прошедшие годы асфальт растрескался, в трещины пробивалась трава. Вдоль этой дороги были кусты, дальше виднелись редкие деревья.

Парк, что ли? Не похоже. Значит, если идти по дороге, я выйду на какую-нибудь улицу, где смогу поймать машину. В джинсах у меня есть потайной карманчик, где лежит парочка купюр, я всегда кладу их на всякий случай, доехать до дома хватит. Жизнь научила меня заранее готовиться ко всяким неприятностям.

И ключи от квартиры эти уроды не отобрали, вообще меня не обыскивали, так что обязательно нужно побывать в той квартире, забрать документы, деньги и кое-что из вещей.

Нужно поторопиться, пока меня не хватились.

И если вы думаете, что я побежала вперед по дороге, то глубоко ошибаетесь. Нет уж, ученая уже, у меня принцип: если ждут от меня самого естественного поступка – я делаю в точности наоборот. Опять-таки жизнь научила.

Итак, я обошла дом, увидела сзади остатки дощатого забора, пролезла в довольно широкий пролом и в неверном свете наступавших сумерек разглядела узенькую, довольно сыроватую тропинку. И рванула по ней, думая только о том, чтобы не плюхнуться в грязь и не расцарапать лицо о камни, ржавую арматуру и куски раскрошившегося цемента, которые валялись под ногами в изобилии.

Бежала я минут десять, потом посмотрела на часы (эти уроды их тоже не отобрали!) и поняла, что нужно торопиться. И тут как раз выбежала на довольно большую поляну, а за ней тускло блеснула вода.

Это оказался небольшой такой прудик, вода была как темное зеркало, и узкий серп луны отражался в ней.

Я обошла пруд почти по периметру, напугала селезня, который, переваливаясь, вышел на тропинку прямо передо мной, перебралась через канаву по заботливо проложенным мосточкам и снова огляделась. Позади остался пруд, слева виднелись какие-то ангары, с другой стороны шли старые гаражи.

Я повернула к этим гаражам, поскольку там скорее могла попасться машина, – и вот, повезло, как раз выезжал из ворот скромного вида автомобиль.

Неизвестно, что подумал водитель, когда я возникла рядом с ним из сгущающейся темноты и постучала в стекло, однако притормозил и спросил не слишком любезно, какого черта мне надо.

Я попросила подбросить, куда он сможет.

– Тебя что – ограбили, что ли? – спросил дядечка неопределенного возраста, во всяком случае, так я решила по голосу.

– Вроде того, – вздохнула я, садясь рядом с ним, – но вы не беспокойтесь, я вам заплачу, у меня деньги есть, – я показала ему смятую пятисотку.

Вблизи я разглядела, что дядечка сильно пожилой, и приготовилась уже, что всю дорогу он станет меня воспитывать и учить жить, а потом начнет вспоминать, как в советские времена он был о-го-го!

Но он ничего не сказал, только спросил адрес. Оказалось, что ему надо к дому, что с моим почти рядом.

– Жену встречаю, – пояснил он, – дочка поздно с работы возвращается, она с внуками сидит.

И молчал всю дорогу, за что я была ему очень благодарна. Потому что мне нужно было подумать.

Собственно говоря, мысль была только одна: как попасть в квартиру, и самое главное: как оттуда выйти незамеченной? Потому что из квартиры нужно уходить, иначе эти уроды меня там найдут. И теперь не станут миндальничать и побьют от души, а может, и пытать будут. Ничего не добьются, конечно, поскольку я понятия не имею, чего им от меня надо, но живой не выпустят.

Да, подставила меня Катька, и за что только, вот что я ей сделала? Но об этом я подумаю потом.

Какой у меня девиз? Дисциплина и полный самоконтроль, иначе я пропаду. Жизнь меня многому научила, в частности как быстро эвакуироваться из любого места.

Итак: попасть в квартиру, мигом собрать вещи, прихватить паспорт и кое-какие наличные деньги и быстро делать ноги.

Куда идти? Это другой вопрос, и его будем решать потом, когда выберемся из квартиры. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Тут я заметила, что машина повернула на ту улицу, где я жила вот уже... две недели. И с разгону подъехала к моему дому.

– Подъезд какой? – спросил водитель.

– Да не надо до подъезда, я тут, на углу выйду! – всполошилась я, а ну как эти уроды уже узнали о моем побеге и теперь караулят меня возле подъезда, а то и возле квартиры?

– Ну, как знаешь! – Он затормозил на углу. – Беги давай, налегке-то замерзнешь...

И верно, на мне только джинсы и тонкий свитерок, эти гады даже пальто не дали взять. Надо же, болталась там по кустам чуть ли не час и даже не заметила, что холодно. Хоть и конец апреля, и солнце днем вроде светит, а все ходят в пальто да в куртках.

– Спасибо вам. – Я протянула дядечке смятую пятисотку и пошла было, но тут он закричал, чтобы я подождала, и сунул мне сдачу – двести рублей.

– Мне лишнего не надо, – твердо сказал он, – у тебя и так неприятности, так чего я стану наживаться.

Нет, все же попадаются иногда на моем пути хорошие люди. Правда, редко...

Очень осторожно я высунула голову из-за угла и осмотрела двор.

Вроде бы ничего необычного, машины припаркованы все более-менее знакомые. Забыла сказать, когда вселилась в этот дом, я внимательно изучила машины жильцов. Не всех, конечно, но хотя бы из нашего подъезда. Как уже говорила, жизнь научила меня предусмотрительности и осторожности.

Сейчас никаких незнакомых машин возле подъезда не стояло, и той неприметной серой, на которой приехали те уроды, тоже не было. Что ж, успокаиваться пока рано.

Я ощупала в кармане ключи. Ужасно захотелось вдруг плюнуть на все, подняться в квартиру и прежде всего встать под душ.

Хорошо бы, конечно, принять ванну с лавандовой пеной, выпить горячего чая и лечь.

Ну да, на часах половина девятого, но со мной уже столько всего случилось, что хочется лечь и ни о чем не думать хотя бы до утра.

«Не расслабляться!» – тут же приказала я себе.

Вот что бы сделал на моем месте нормальный человек? Быстрее побежал бы домой, чтобы не простудиться, стоя тут на ледяном ветру. Но, как я уже говорила, жизнь научила меня всегда поступать наоборот, так оно надежнее.

Я тихонько пересекла двор и юркнула в проход между стеной дома и двумя гаражами, что притулились в углу.

Дом, где я сняла квартиру, был самой обычной панельной девятиэтажкой, и двор соответствующий – детская площадка в середине, по бокам чахлые кустики и два инвалидных гаража, причем машин в них давно не стояло, а собирались какие-то темные личности и выпивали там на ящиках. Злобные старухи, которые присутствуют в каждом дворе, отчего-то их не гоняли, правда, компания вела себя тихо, и однажды я видела, как один из них, кажется, Леня или Веня, нес той же Варваре Семеновне тяжелые сумки.

Не за так, небось, а за малую денежку. Это Катька говорила, но сейчас я о ней думать не хочу.

Значит, за гаражами меня искать никто не станет, какой молодой женщине в здравом уме придет в голову вечером идти туда на поиски бомжей? А за двести рублей, я думаю, Веня (или Леня) произведет для меня разведку.

Однако меня поджидало разочарование, за гаражами никого не было, очевидно, компания перебралась к вечеру в более теплое место.

Я призадумалась, тут послышалось шуршание, и прямо на меня выскочил джек-рассел-терьер, а в зубах у него была... о господи, в зубах он держал крысу, и, кажется, она еще шевелилась.

Я попятилась, но если вы думаете, что собиралась визжать, бежать или вообще терять сознание, то это не про меня. Не то чтобы я не боялась крыс, но жизнь научила меня не делать резких движений и всегда держать себя в руках.

– Марти! – Это выскочил мальчишка лет двенадцати и радостно ухватил терьера за поводок.

– Молодец! – приговаривал он одобрительно. – Поймал! Ого, придушил уже...

– Она притворяется, – сказала я, потому что с моей стороны было видно, что крыса только для вида обвисла, а сама посматривает по сторонам с намерениями бежать.

Я даже симпатию к ней почувствовала – вот ведь молодец, не сдастся до последнего.

А мальчишку я узнала, он в нашем подъезде живет, однажды мы с ним и собакой ехали в лифте.

– А вы что тут делаете? – с подозрением спросил он.

Терьер в это время переступил кривыми лапами и положил крысу на землю, очевидно, ему надоело ее держать.

Мгновенно ожив, как я и предполагала, крыса юркнула под гараж. Марти рванулся за ней и, разумеется, не успел.

– Ну вот, – вздохнул мальчишка, – опять упустил.

– Слушай, у меня к тебе дело, – начала я, поняв, что, если побуду на улице еще немного, то и вправду подхватчу простуду, – можешь ты подняться на четвертый этаж и посмотреть, что там творится?

– А вам зачем? – спросил он нагло.

– Слушай, я же тебя не спрашиваю, зачем тебе эта крыса? – возмутилась я.

– Биологичке подсунуть, – ответил он сразу, – пускай она ее наглядно изучает.

– Так вы же сейчас на удаленке, – удивилась я, – как же ты ее подсунешь?

– В почтовый ящик положу, – насутился он, – знаю, где эта зараза живет.

– Ну... – я хотела было сказать, что так делать нехорошо, что человек, особенно если он женщина, может дохлой крысы испугаться до инфаркта, но вспомнила свою школьную биологичку – жуткую бабу с металлическими зубами, которая и говорила-то каким-то скрежещущим голосом, как землечерпалка, и решила не вмешиваться. В конце концов, биологи не должны бояться грызунов, ни живых, ни дохлых. Тем более что крыса убежала.

– Так сделаешь? – Я правильно поняла взгляд мальчишки и показала ему двести рублей.

– Это несерьезно, – он возмущенно поднял брови, – меньше тысячи не возьму.

– Сколько? – ахнула я. – Марти, скажи своему хозяину, что жадничать некрасиво!

Терьер не ответил, он увлеченно рыл лапами подкоп под гараж.

– Триста! – сказала я.

– Восемьсот, если денег жалко, – хмыкнул малолетний нахал.

– Пятьсот, и закончим на этом! Не нравится – свободен! – Я всерьез разозлилась.

– Ладно, держите Марти. – Он бросил мне поводок и ушел.

За это время я уговорила Марти обойти гараж и попробовать достать крысу с другой стороны, но там тоже ничего не вышло. Видимо, у крысы было надежное убежище.

Мальчишка вернулся через пять минут, сказал, что лифт работает, и на площадке четвертого этажа все тихо: ничья дверь не опечатана и грязи на полу нету. И что он позвонил в мою квартиру, и никто не открыл. А еще смысленный ребенок глазки двух соседних квартир на всякий случай резинкой залепил, хоть я его об этом и не просила.

Я отдала ему честно заработанные пятьсот рублей, и мы вошли в подъезд, парень сказал, что раз крысы нет, то они уже нагулялись. Им было выше, на седьмой, но, когда двери лифта раскрылись на четвертом, Марти выскочил.

И надо же было такому случиться, что в это самое время дверь квартиры Катерины тоже слегка приоткрылась, и на площадку высунулась кошка. Белая, чрезвычайно пушистая, наверняка породистая.

Я вытаращила глаза, поскольку знала, что никакой кошки у Катерины не было, я бы заметила.

Тут дверь открылась шире, и я увидела старушку. Очень милую такую бабуся, с аккуратно уложенными седыми волосами и маникюром. Одета старушка была в скромное такое платьице в неявную школьную клетку, на ногах – тапочки с помпонами.

Кошка, увидев, что путь свободен, выскочила на площадку. Марти оживился и ловким хоккейным финтом вырвал из рук мальчишки поводок. Кошка, заметив терьера, увеличилась в размерах раза в четыре и зашипела, как закипающий чайник.

– Муся! – закричала старушка и схватилась за сердце.

– Марти! – взвизгнул мальчишка, коршуном бросился на своего терьера и схватил поводок в прыжке, однако кошка успела все же смазать Марти лапой по морде, отчего он завизжал. Парень схватил его в охапку и запихнул в лифт, а кошка, вместо того чтобы гордиться своей победой, рванула наверх, чтобы встретить ненавистного терьера на выходе из лифта или что там еще пришло ей в голову.

– Мусечка... – старушка смотрела умоляюще, – поймите ее, пожалуйста!

Я устремилась за кошкой и нашла ее только на шестом этаже. Эта нахалка сидела возле мусоропровода и умывалась с самым невинным видом.

– Пойдем домой? – спросила я с опаской, вспомнив расцарапанную морду терьера.

Кошка из-под задранной лапы бросила на меня оценивающий взгляд и решила, что с нее хватит на сегодня приключений, так что позволила взять себя на руки и только чуть-чуть подрала мой свитер. Так уж, для порядка. Впрочем, после пробега по кустам и репейникам этот свитер и так никуда не годился.

– Дорогая моя! – Старушка радостно прижала руки к груди. – Вы не представляете, как я вам благодарна! Муся... она такая впечатлительная! И так боится собак!

Угу, я бы сказала, что это собаки должны бояться Мусю. Во всяком случае, терьер Марти ее надолго запомнит.

Поскольку старушка не сделала попытки взять свою кошку на руки, то мне пришлось войти в квартиру. Что Катерины там нет, я уже поняла, иначе старуха послала бы за кошкой ее.

Странное дело: квартира была как бы та же самая, но и не та. В прихожей не валялись Катериныны сапоги на умопомрачительных каблуках, и на полочке под зеркалом не было помады, тонального крема и еще каких-то мелочей. Зато под вешалкой стояла хозяйственная сумка на колесиках – новая, финская.

Не помню, говорила я или нет, что жизнь научила меня не упускать никаких мелочей. Наблюдательность я долго тренировала.

Знаете такой метод: на стол кладут десять незнакомых предметов и дают посмотреть на них человеку одну минуту. А потом нужно перечислить, какие предметы и как лежали. Так вот, я в этом достигла больших успехов, скажу без ложной скромности.

Так что теперь я мигом углядела и бабусяно незначительное пальто на вешалке, и шляпку, и даже шелковый шарфик неявной, но приятной расцветки. Катькина куртка рядом не висела, и сумки ее – яркой такой торбочки – не было.

Так, стало быть, была Катя – и нет ее.

– Спасибо, спасибо! – Старушка закрыла дверь, и только тогда я спустила кошку на пол.

– Не за что. – Я повернулась, чтобы уйти.

– Куда же вы? – всполошилась бабуля и даже всплеснула руками. – Давайте познакомимся!

Вот уж это никак не входило в мои планы. Мне бы быстренько собрать вещички да и дать отсюда деру.

– Меня зовут Анна Аркадьевна, – сообщила старушка и засмеялась радостно, – да-да, как у Толстого. А вы, наверное, соседнюю квартиру снимаете? Мне говорили, что туда кто-то въехал...

– Ну да, уже две недели живу. Я Лида.

– Какое прелестное имя! – Старушка едва не захлопала в ладоши. – Старинное... Вот что, дорогая моя, давайте поговорим!

Все ясно, бабуле скучно. Но у меня-то времени в обрез.

– Я напоила бы вас чаем, – старушка пошла на кухню, – но понимаете, только приехала, ничего еще дома нету. Так что...

– Спасибо, как-нибудь в другой раз...

– Ловлю вас на слове! – лукаво рассмеялась старушка.

Она насыпала кошке сухого корма, а я в это время осмотрела кухню. Все было как у Катерины, только почище, и еще отсутствовала новая кофеварка. С собой она ее унесла, ясное дело.

– А вы тоже квартиру сдаете? – бросила я пробный камень, хотелось выяснить насчет Катерины – так, на всякий случай.

– Что вы, что вы! – Старушка замахала руками.

Дальше она уселась на стул и тут же рассказала мне всю свою жизнь.

Квартира эта ее, но она часто живет у дочери в загородном доме. Зять – человек обеспеченный и к ней относится хорошо, всегда вежлив, и дочка подарки делает. Зовут они и совсем к ним переселиться, а квартиру эту продать, но она, Анна Аркадьевна, все медлит. Как-то привыкла к этому дому, лет тридцать уже тут прожила, как муж умер – так и разменяли они квартиру большую трехкомнатную. Так что как заскучает она в том домине огромном, да как захочется в городе побыть – так и просит водителя Володю, чтобы отвез их с Мусей в город. Правда, Муся переездов не любит. Опять-таки тут цветы остаются. Ну, за ними-то Зиночка присматривает, она и убирает в квартире. Только просит заранее звонить.

– И вы позвонили? – невольно спросила я.

– Ну да, только не накануне, а прямо сегодня после обеда, очень мне вдруг домой захотелось. Но Зиночка все успела убрать, сами видите, как чисто...

Да уж, чистота на кухне прямо стерильная. Небось и в комнате так же.

Да, вот такие новости.

Тут я почувствовала, что задерживаться больше не стоит, и ушла, несмотря на протесты хозяйки.

В дверях она взяла с меня слово, что завтра же я приду к ней на чай. Она с утра купит печенье и конфет, и мы вечером чудно посидим.

Понятно, что бабулька в легком маразме, раз так расположилась к совершенно незнакомому человеку, и на месте ее дочери я бы не отпускала ее сюда одну. Но, в конце концов, это не мое дело, у меня есть более насущные проблемы.

У меня в квартире все было тихо, и вещи не разбросаны, и замок не заедал, значит, эти уроды сюда не добрались. И то сказать, какой идиот прячет что-то на съемной квартире? Правда, эти трое считали меня не слишком умной, хотя и говорили обратное, но все же не до такой степени, чтобы прятать деньги в этой квартирке.

Вот именно, они все спрашивали, где они, где они?

Ясно, что это деньги, причем сумма большая. Я не имею к этому никакого отношения, но как это доказать?

Я не стала тянуть время, быстро собрала документы и кое-какие вещички, остальное сложила в чемодан и написала на крышке «Заберу позже».

Хозяйка – жуткая выжига, и хоть заплачено у меня за месяц вперед, а прожила всего две недели, с нее станется вещички мои прихватить, хоть ничего ценного там нет.

Итак, я взяла с собой сумку, с которой раньше когда-то давно ходила на фитнес, и маленькую дамскую сумочку, сменила свитер, весь в белой кошачьей шерсти и в колючках, на очень приличный пиджачок, накинула пальто и вышла, аккуратно заперев дверь. Хотела опустить ключи в почтовый ящик, но решила, что вполне могу еще сюда вернуться за остальными вещами.

Мало ли, как фишка ляжет, вдруг я смогу решить проблему с этими уродами. Потому что кое-какие мысли у меня на этот счет были.

Выйдя из подъезда, я огляделась по сторонам.

К счастью, возле дома не было ни души, теперь люди сидят по домам и смотрят сериалы по телевизору или фильмы по компьютеру.

Я быстрым шагом дошла до проспекта.

По нему время от времени проезжали машины.

Я подняла руку – и очень скоро одна из машин затормозила. За рулем сидел мрачный дядька лет пятидесяти, может, и больше.

– Куда едем? – буркнул он, едва я плюхнулась на сиденье и немного расслабилась.

Я на мгновение задумалась.

Куда же мне ехать?

Никакого жилья, кроме этой съемной квартиры, у меня не было. А эта квартира теперь засвечена. Друзей или родственников у меня в этом городе тоже нет. А что есть? Только работа. Уж там-то меня никто не будет искать посреди ночи.

И я назвала водителю адрес своего офиса.

Он ничего на это не сказал и поехал по названному адресу.

А я откинулась на сиденье и задумалась.

Что это вообще со мной сегодня было? Ну, что похитили, требовали что-то там вернуть – это понятно. Поначалу я подумала, что Катерина убила этого типа ненароком, ну, мало ли, в драке, случайно пырнула кухонным ножом и решила все свалить на меня. Но оказалось, что все было задумано заранее, чтобы эти, представившись полицейскими, спокойно вывезли меня из дома. Если так просто начнут в дверь ломиться, я не открою, если дверь сломают – шум будет, если в подъезде прихватят – я орать начну. А так все относительно тихо прошло.

Но вот теперь выяснилось, что квартира-то вовсе не Катькина, что вселилась она сюда обманом, пока бабулька за городом свежим воздухом дышала. Стало быть, все было заранее продумано.

И тут на первый план выходит неизвестная мне Зиночка из квартиры напротив, которая и дала Катерине ключи от бабкиной квартиры. Потому что она тут явно в деле.

То-то сидела тихо, как мышка, когда меня эти уроды выводили!

Ладно, из всего этого ясно только одно: никакого убийства не было и в помине, все это инсценировка. Ну, хоть одной заботой меньше.

– Сюда, что ли? – спросил водитель, и я поняла, что он не мрачный, а просто очень усталый.

Наш офисный центр возвышался на углу темной громадой. Хотя несколько окон все же горели – какие-то трудоголики были на работе даже в такой поздний час. Или просто в некоторых помещениях были ночные дежурные.

Я расплатилась с водителем, подошла к зданию. Стеклопанная дверь не разошлась передо мной автоматически – на ночь автоматика была отключена. Тогда я встала перед камерой, чтобы меня было хорошо видно, и нажала на кнопку звонка.

Через минуту в холле за дверью показался заспанный парень.

К счастью, я узнала его – это был Костик, знакомый охранник.

Он удивленно посмотрел на меня, но все же открыл.

Костик явно был удивлен моим ночным появлением, но он только еще открыл рот, чтобы что-то спросить, как я его опередила и затараторила, как пулемет:

– Костичек, мне, понимаешь, очень нужно зайти в офис... я там бумаги очень важные забыла, а мне завтра с утра непременно нужно их отвезти в «Межбанк», если я их не отвезу, мне Сергей Сергеевич такую головомойку устроит, мама не горюй, а я их, как назло, в офисе забыла, так что сейчас обязательно нужно зайти и их забрать, а то утром у меня будет такое, что и представить страшно, потому что нужно отвезти их в «Межбанк» до начала работы...

Костик от моего напора заморгал, забыл, о чем хотел спросить, и только махнул рукой:

– Ладно, проходи, если надо, там все равно...

Я радостно улыбнулась и промчалась мимо него к лестнице, пока он не опомнился и не передумал, и только между вторым и третьим этажом задумалась о том, что он сказал.

«Там все равно...»

Что он имел в виду?

Но тут же я себя успокоила. Может, он ничего особенного и не хотел сказать.

Вот другой вопрос – как попасть в офис? Ведь ключа от него у меня не было...

Вообще говоря, кое-какие мысли на этот счет у меня имелись. Иначе бы я сюда и не поехала.

Дело в том, что несколько дней назад я уходила с работы последней. Точнее, одной из последних – вместе с нашим бухгалтером Алисой Дмитриевной.

Алиса – строгая женщина, прилично за сорок, в нашей фирме она работает на полставки, приходит два раза в неделю, но сидит иногда допоздна, пока все не переделает.

И вот мы с ней вышли из офиса, захлопнули дверь... и тут Алиса вспомнила, что оставила на рабочем месте игрушку, которую купила для своей внучки. Алиса Дмитриевна только недавно стала бабушкой, во внучке души не чаёт и почти каждый день что-нибудь ей покупает. Не может прийти к внучке с пустыми руками.

Так что ей непременно, несмотря ни на что, нужно было вернуться за своим подарком.

– Что же теперь делать? – спросила я сочувственно. – Можно пойти в охрану, у них есть дубликаты ключей...

– Нет, в охрану ходить не стоит. Они, конечно, дадут ключи, но сначала составят акт, а это такая морока...

– А что же тогда делать?

Алиса взглянула на меня хитро и спросила:

– Ты никому не расскажешь?

– Само собой!

– Здесь замок старый, его открыть ничего не стоит!

И действительно, у меня на глазах она достала из своей сумки две скрепки, разогнула их и очень ловко открыла замок. Одну скрепку вставила в скважину, а вторую начала внутри медленно поворачивать, пока не услышала щелчок.

А я на всякий случай следила за ней и запоминала. Жизнь меня научила, что такие навыки очень даже могут пригодиться. А потом, опять же на всякий случай, положила в свою сумку две скрепки. Так что сейчас я не сомневалась, что попаду в офис.

Однако когда я поднялась на третий этаж и подошла к нашей двери, то поняла, что мне не придется пользоваться отмычками.

Из-под двери офиса на пол коридора падала узкая полоска бледного света.

В офисе кто-то был.

У меня сердце провалилось куда-то очень глубоко, на мгновение даже перехватило дыхание.

Вдруг к нам в офис уже заявились те бандиты, от которых я с таким трудом сбежала? Вдруг они меня здесь караулят, а я иду прямо к ним в руки?

Но тут же я сообразила, что даже если они уже вернулись на свою базу и обнаружили мой побег, они не смогли бы так быстро вычислить, где я работаю. И даже если они это каким-то чудом узнают – в любом случае они не поедут в офис ночью, потому что в этом нет никакого смысла. И опять же Костик на входе. Несмотря на то, что он тот еще пофигист, и Алиса Дмитриевна его поругивает, все же ночью он вряд ли пустит незнакомых людей.

Но тогда кто же хозяйничает в нашем офисе ночью? Ну, почти ночью, одиннадцать скоро. Может, нет там никого? Может, с вечера кто-то просто забыл выключить свет?

Я осторожно потянула за ручку двери.

Дверь была не заперта.

Значит, моя оптимистичная гипотеза не подтвердилась. В офисе кто-то все же есть.

Но положение у меня было безвыходное, я тихонько открыла дверь и заглянула внутрь.

Ночной офис выглядел как-то странно, непривычно. Все предметы, такие обыкновенные днем, казались теперь чем-то совсем другим, одушевленным и опасным. Совсем не тем, чем обычно. Они жили своей собственной, ночной жизнью – и были очень недовольны тем, что я появилась и нарушила их уединение.

Но я была здесь уже не первой.

За стеклянной перегородкой, отделявшей основное офисное пространство от кабинета шефа, сидел он сам – наш шеф, Сергей Сергеевич Студнев.

Он сидел, склонившись над своим столом. То есть без малого в одиннадцать вечера этот тип сидел и работал! Нет, таких трудоголиков я еще не встречала!

Студнев был мужчина прилично за сорок, а высокий лоб с заметными залысинами и усталые темные глаза делали его еще старше.

И вот интересно, что он делает на работе в такое позднее время?

Да уж, его дома точно никто не ждет! Говорили, что у него какие-то семейные проблемы.

Та же Алиса Дмитриевна поджимала губы и горестно покачивала головой, если кто-то из офисных девиц начинал прохаживаться по поводу начальства, но, надо отдать ей должное, никогда такие разговоры не поддерживала.

Мне до этого и вовсе не было дела – со своими бы проблемами разобраться...

Тут Студнев, наверное, услышал скрип двери и повернул ко мне голову. Увидел меня – и брови удивленно поднялись.

Он что-то проговорил, но из-за перегородки ничего не было слышно, а я топталась у входа, сделав самое беспомощное выражение лица.

Тогда он поднялся, подошел к двери своего стеклянного зверинца, вышел в офис и произнес с недовольством и удивлением:

– Лидия? Что вы делаете тут в такое время?

Что я могла ему сказать?

Можно было только бить на жалость, что я и сделала.

Я чуть слышно всхлипнула и проговорила самым жалостным голосом, на какой была способна:

– Сергей Сергеевич, я поссорилась со своим... другом.

– Не понимаю... какое это имеет отношение... при чем здесь ваш, как вы сказали, друг? – В голосе его прозвучало явное удивление, а еще недовольство.

– Самое прямое! Он выгнал меня на улицу!

Уж что-что, а притворяться я умею, как никто другой. И голосом владею, и лицом, и жестами могу как нужно. Опять-таки жизнь научила.

– Выгнал на улицу? Посреди ночи?

А сам-то ты что делаешь здесь посреди ночи? И вообще, сейчас еще вечер... Но я всхлипнула и быстро-быстро заморгала глазами, чтобы вызвать слезы. Не получилось. Все же слезы по заказу – это высший пилотаж, я так не умею. Но тренируюсь, пока получается редко.

Тогда я ответила сдавленным голосом, как будто в горле комок, который мешает мне говорить:

– Вот именно! Мне просто больше некуда было пойти! Ведь у меня в этом городе никого нет – ни родных, ни друзей! Вот, успела только сумку маленькую прихватить, вещей даже не отдал...

Вот это была истинная правда.

Я снова очень натурально всхлипнула и продолжила:

– Так что остается только работа... вы же сами иногда говорите, что работа – это наш второй дом... вот я и пришла...

– Хм... – Он нахмурился и пожевал губами, совсем как если бы я запорол важный отчет или забыла его предупредить, что звонили, к примеру, из налоговой... – Должен вам сказать, Лидия, что друзей нужно выбирать... осмотрительнее, что ли... ну, как можно довериться человеку, который... который... – Он посмотрел на меня пристально и сделал вдруг резкий шаг в мою сторону, так что я мигом отскочила.

Реакция у меня хорошая, опять-таки я ее долго тренировала, жизнь заставила.

Что-то такое отразилось в его глазах, какая-то давнишняя не то боль, не то просто неприятное воспоминание.

Студнев остановился и молча погладил себя по щеке.

– Я не понимаю... – растерялась я, точнее, сделала вид.

– Да посмотрите же на себя! – Казалось, он потерял терпение.

Я повернулась к зеркалу, что висит у нас в офисе в углу рядом с вешалкой. На левой щеке багровела глубокая царапина, но кровь уже засохла, превратившись в ржавую корочку.

Надо же, я так торопилась уйти из квартиры, что даже в зеркало не посмотрела. Наверное, поцарапалась, когда по кустам ползала.

– Это то, что я думаю? – холодно осведомился Студнев.

– Ну да, – я поникла головой, и, наконец, пришли слезы, – я потому и ушла...

Сумка выпала из рук, точнее, я сама ее выпустила, чтобы закрыть лицо руками, и в щелочку между пальцами мне было видно, что начальник растерялся. Ну, как всякий мужчина, он не выносит женских слез. Только одни начинают жалеть, а другие тут же орут, чтобы немедленно прекратила рыдать.

Рыдать я не собиралась, это был бы уже перебор. К тому же начальник далеко не дурак, он бы заметил, что рыдания фальшивые.

Вот не спрашивайте, откуда я это знаю, вот чувствую – и все. А я своей интуиции доверяю, хотя она меня и подводила пару раз.

– Ну-ну... – пробормотал Студнев, – ну что вы, Лидия...

Он с самого начала говорил не Лида, а Лидия, и, кажется, ни разу не сбился.

– Сергей Сергеевич, – торопливо выпалила я, шагнув к нему, – может быть, вы позволите мне переждать здесь до утра? Может быть, я подремлю в уголке на стуле... – Я села на этот стул и скорчилась как можно неудобнее.

Очевидно, это оказалось последней соломинкой, которая, как известно, переломила спину верблюда, в данном случае, «верблюда» звали Сергей Сергеевич.

– Ну, зачем же в уголке, – протянул он нехотя. – Зачем на стуле. Вы можете отдохнуть у меня в кабинете, на диване...

Тут он почувствовал, что его слова можно понять превратно, и поспешно добавил:

– Я все равно уже собирался уходить.

И давно пора, а то уж засиделся на рабочем месте...

Но вслух я, разумеется, ничего не сказала.

Вряд ли он действительно собирался уходить, когда я пришла, – но тут и правда быстро собрался, сложил свои бумаги в портфель и направился к выходу. Но уже у самой двери остановился, обернулся и смущенно проговорил:

– Только, Лидия, я вас очень прошу – пожалуйста, поднимитесь раньше начала рабочего дня. И уберите следы вашего... отдыха. А то пойдут какие-нибудь разговоры. Как вы понимаете, мне они ни к чему. Да и вам, я думаю, тоже.

Я беззвучно хмыкнула, взглянула на него с благодарностью и проговорила, прижав руки к сердцу:

– Конечно, Сергей Сергеевич! Я все приберу, Сергей Сергеевич! Не сомневайтесь, Сергей Сергеевич!

Он вышел, захлопнул за собой дверь, а я вошла в его кабинет и прилегла на диван.

Диванчик был короткий и узкий, обитый коричневой искусственной кожей, так что вытянуться на нем я не смогла, легла на бок, подогнув ноги, – но все равно это было куда лучше, чем дремать на стуле.

В офисе было тихо, да что там, на всем этаже не было, наверное, ни одного человека, так что самое время мне вздремнуть. Ужасный сегодня был день, хлопотный очень.

Я закрыла глаза, но поняла, что спать совершенно не хочется. А хочется есть, причем очень.

Ну да, как вернулась домой – так и не поужинала. А в обед была в офисе и только пила кофе с печеньем у секретарши Ленки, она еще ворчала, что свое не носят, а норовят чужое печенье съесть.

Ленка у нас весит под сто килограммов, так что сотрудники, которые лазают к ней в стол за печеньем, действуют ей только во благо.

Итак, я встала и потащила в Ленкин закуток, но нашла там только пакетики с чаем и кучу крошек от сухарей с маком и песочного печенья. Да, таким количеством можно прокормить семейство мышей, но мне-то что делать...

Ну, Ленка, ну, обжора!

Я поболталась по офису без цели, зная, что ничего из съестного не найду, и отправилась в кабинет.

Может, Сергей Сергеевич тайный сладкоежка и найдется у него хотя бы шоколадка?..

Нехорошо рыться в столе у начальства, он ко мне со всей душой отнесся, ночевать на диван пустил, а я... Но голод стал невыносимым, и я решилась. В конце концов, важные бумаги он кладет в сейф, а ящики запирает.

Так и оказалось, открыт был только один ящик, и там завалилась одна шоколадная конфета, очень старая, прямо каменная. Но я была рада и такому. Лежали там еще какие-то бумаги, судя по всему, черновики договоров, а еще рисунки.

На обычной бумаге простой шариковой ручкой была нарисована одна и та же женщина. Вот она у окна расчесывает длинные волосы, вот где-то на природе на берегу озера, и волосы развеваются на ветру, вот волосы забраны в прическу, и на длинной шее колье, непонятно только, бриллиантовое или бижутерия. Интересно...

Под рисунками я нашла еще фотографию. Та же женщина, только постарше, и стрижка довольно короткая. Красивая баба, но на фотографии точно видно, что стерва.

Я повертела снимок, поднесла его к свету и увидела, что фотка была разорвана на несколько клочков, а потом склеена неаккуратно. Интересно... хотя на самом деле не очень, своих проблем хватает.

Я выпила чаю с конфетой (чуть зуб не сломала) и снова улеглась на диванчик.

Правда, заснуть я не надеялась – события минувшего вечера так взбудоражили меня, что сна не было ни в одном глазу.

Я стала их перебирать и обдумывать – и что же?

Перед глазами почти сразу поплыли цветные пятна и полосы, и вскоре я заснула.

Снился мне странный сон.

В этом сне была большая, жарко натопленная комната, значительную часть которой занимала огромная кровать с резными столбиками и балдахинном.

Вокруг этой кровати толпились многочисленные женщины в темных старинных платьях, среди которых было и несколько мужчин, тоже в старинной одежде.

А на кровати лежала маленькая измученная женщина с красным, залитым потом и искаженным страданием лицом...

Повитуха выпрямилась, держа в руках красное тельце со сморщенной обезьяньей мордочкой, легонько шлепнула, и новорожденная издала резкий обиженный крик.

Повитуха повернулась к присутствующим и проговорила удовлетворенно:

– Девочка, здоровая!

Женщины, толпившиеся по углам комнаты, зашептались, переглядываясь.

– Девочка? – Невысокий плотный человек в темном камзоле гранда, с маленькой острокопечной бородкой, поморщился. – Король будет недоволен! Тем не менее велите звонить в колокола, дабы известить народ о рождении инфанты!

Он развернулся и быстрыми шагами направился к дверям. Даже спина его выражала огорчение.

Повитуха передала ребенка няньке, озабоченно склонилась над роженицей. По лицу королевы струился обильный пот, губы трепетали, будто она что-то хотела сказать.

– Постойте, синьор... – вполголоса проговорила повитуха. – Будет еще один ребенок...

Но человек с бородкой уже вышел.

Королева застонала, закусила нижнюю губу, лицо ее побагровело от напряжения.

Присутствующие зашевелились, придвинулись к постели королевы. Кто-то проговорил:

– Архиепископ уже ушел... послать за ним?

Вдруг тишину покоя нарушил странный, пугающий звук, похожий не то на рычание дикого зверя, не то на кошачье мяуканье.

– Не нужно... – повитуха снова выпрямилась, держа в руках второго ребенка, испуганно оглянулась на присутствующих и пролепетала едва слышно: – Это... это, кажется, мальчик...

В руках у нее было странное, уродливое существо, похожее на маленького зверька. Крошечное тельце покрывала редкая неопрятная шерсть, круглые глаза тускло блестели, а из приоткрытого рта торчали короткие острые зубы.

– Чудовище! – послышался чей-то дрожащий голос.

– Антихрист! – подхватил еще кто-то.

Придворные принялись истово креститься.

И в это время за окнами раздался гулкий, протяжный звон церковных колоколов.

Когда этот звон затих, из толпы придворных вышел пожилой господин в лиловом, расшитом серебром камзоле, с холодными серо-стальными глазами.

Он забрал ребенка у растерянно застывшей повитухи, окинул всех остальных стальным взглядом, словно полоснул клинком, и резким, каркающим голосом проговорил:

– Королева родила только одного ребенка, инфанту! Другого ребенка не было! Всем понятно?

Придворные испуганно закивали.

Я проснулась от того, что где-то рядом незнакомый голос громко произнес:

– Пора!

Я открыла глаза – но не смогла сразу понять, где нахожусь.

Правда, в последнее время со мной такое часто случалось, так что я не впала в панику, а попыталась определиться.

Я лежала на узком, коротком и жестком диване. Рядом стоял офисный стол, около него – кресло на колесиках, обитое, как и диван, коричневой искусственной кожей.

И тут я поняла, что нахожусь в кабинете Студнева.

И сразу же вспомнила все, что произошло со мной вчера вечером и ночью.

Нужно скорее вставать и ликвидировать следы моего ночного присутствия в кабинете начальства. Студнев подошел ко мне по-доброму и только очень просил, чтобы никто ничего не узнал, так что нельзя его подвести.

Вроде бы приличный мужчина оказался. И начальник не вредный. Но с другой стороны, с некоторого времени я перестала доверять первому впечатлению. Возможно, это неправильно, но я не доверяю никому. Жизнь научила.

Я взглянула на часы – вдруг уже много времени и сейчас подтянутся мои сослуживцы?

К счастью, была еще только половина восьмого, так что до начала рабочего времени оставалось больше часа.

То есть к девяти обычно приходит сам Студнев, а остальные сотрудники и к десяти не все подтянутся.

Учитывая нынешнюю напряженную обстановку, народ вообще больше дома работает, один начальник вечно в офисе торчит. Его положение обязывает.

И чего ему дома не сидится? Очевидно, руководить по удаленке не получается.

Я поднялась, потянулась – и осознала, что спала в одежде.

Ох, если бы можно было принять душ и переодеться!

К сожалению, об этом не приходилось даже мечтать.

Ну, нужно хоть как-то привести себя в порядок...

Я вышла из офиса.

К счастью, в такой ранний час в коридоре не было ни души, так же как и в туалете. Там я, как могла, умылась, привела в порядок волосы и лицо, поправила одежду. Больше ничего сделать я не могла и пошла обратно в наш офис. Там нашла у Ленки в столе настольное зеркало и уселась перед ним, включив лампу.

Царапина на щеке больше не кровоточила, но воспалилась, еще немного – и щека распухнет, а пока только багровая полоса виднеется.

Я протерла царапину Ленкиной туалетной водой, которую ей подарил муж, и пахла она отвратительно, зато и держала ее Ленка на работе, как она говорила, тараканов морить, если заведутся. Затем замазала царапину тональным кремом, накрашила глаза и губы.

Нельзя сказать, что в зеркале отражалась свежая майская роза, но люди все же не испугаются. Что ж, теперь могу спокойно ожидать появления сотрудников.

И тут у меня буквально скрутило желудок.

Ну да, я ведь вчера не ужинала, да толком и не обедала... И чай с закаменевшей украденной конфетой не в счет.

Что делать? До обеденного перерыва я буквально не доживу... Хотя обедать по нынешнему времени никто не ходит, кто еду из дома приносит, а иногда, когда народу побольше в офисе собирается, мы заказываем пиццу или сэндвичи. Но они работают с десяти, да когда еще заказ принесут. Так и умереть можно.

Впрочем, остается еще достаточно времени до начала рабочего дня. Я могу выйти на улицу и заскочить в пекарню на углу. Она открывается рано, и там можно купить кофе навынос со свежими круассанами... ну, или еще чего-нибудь... Булочку, тот же сэндвич...

От одних этих слов есть захотелось еще больше.

Я спустилась на первый этаж, направилась к турникету, возле которого сидел в своей будке охранник. Костик уже сменился, на его месте сидел другой, немолодой дядька, прежде служивший в полиции. Звали его Михалыч.

Он с кем-то разговаривал, мне не было видно, двое стояли спиной.

Я еще была на полпути к выходу, как вдруг застыла на месте как громом пораженная.

Возле будки охранника стояли те самые фальшивые полицейские или бандиты, от которых я с таким трудом сбежала минувшей ночью. Там были двое из них – те, которых я мысленно называла Первым и Вторым. Третьего по кличке Боров с ними не было, видно, ему влетело за то, что оставил меня без присмотра. Может, его даже уволили. Ну, уж бока намяли серьезно, это точно.

Я попятилась, но Первый, видно, что-то почувствовал. Он вскинул голову и заметил меня.

Я метнулась к лифту. Как раз в это время он подъехал к первому этажу, двери раскрылись, из кабины с озабоченным видом вышел заспанный работяга в засаленном синем комбинезоне.

Я промчалась мимо него, едва не сбив с ног, стремительно влетела в кабину и бросила взгляд в сторону проходной.

Тот фальшивый полицейский, которого я назвала Первым, перепрыгнул через турникет и неся следом за мной, его напарник немного замешкался, но потом тоже перескочил вертушку.

Михалыч что-то кричал и махал руками, пытаясь его остановить.

Я торопливо нажала кнопку верхнего этажа.

Первый огромными прыжками неся к лифту, двери кабины сдвигались убийственно медленно.

Вот мой преследователь в одном шаге от лифта... еще секунда – и он ворвется в кабину...

Но двери, наконец, сомкнулись прямо у него перед носом, и кабина заскользила наверх.

Я перевела дыхание. Кажется, и на этот раз мне удалось от них ускользнуть. Но дело плохо – они очень быстро выяснили, где я работаю, и заявили сюда...

Вот как они это сделали? Как вообще они меня нашли? И почему именно сейчас, то есть вчера, то есть, если учесть, что Катька поселилась в квартире милой старушки Анны Аркадьевны примерно неделю назад... почему именно в это время, не раньше и не позже?

Кабина доехала до верхнего, шестого этажа и остановилась. Двери раздвинулись... и тут я услышала стремительно приближающиеся шаги, и увидела бегущего по коридору мужчину – того самого фальшивого полицейского номер один.

Черт! Он сообразил, куда я еду, и догнал меня по лестнице... Силен, однако, а с виду и не скажешь – под глазами синяки, кожа желто-землистая, пьет, что ли...

Я снова нажала кнопку – на этот раз третьего этажа. Двери кабины успели закрыться, прежде чем мои преследователи добежали до лифта, кабина поехала вниз.

Лифт очень скоро остановился, двери начали разъезжаться... и тут же я увидела прямо перед собой ухмыляющуюся физиономию второго преследователя.

Черт! Они разделились, и Второй уже ждал меня на третьем этаже!

Я ткнула пальцем в другую кнопку, но бандит уже тянул ко мне волосатые руки...

Времени на раздумья не было, и я применила крайнюю меру – вцепилась в его лицо ногтями. Он вскрикнул от неожиданности, попятился, закрывая глаза руками. Двери лифта снова успели закрыться, и кабина опять поехала вверх.

Я снова ускользнула, но долго ли еще смогу играть с ними в кошки-мышки?

На этот раз лифт привез меня на пятый этаж.

Я выглянула в коридор.

Вроде бы никого нет...

Выскользнула из лифта, снова огляделась и припустила по коридору, разглядывая двери.

Куда бы мне спрятаться? Где бы пересидеть какое-то время? Впрочем, те двое настроены очень серьезно и не отступятся, пока не найдут меня...

И, как назло, народу никого, рабочий день еще не начался, да и тогда в офисах пусто, все, кто может, сидят на удаленке.

Я прошла мимо нескольких дверей, и тут в дальнем конце коридора снова раздались быстрые тяжелые шаги.

Ну конечно, это снова Первый! Быстро же он меня нашел!

Времени на раздумья не было, я дернула первую попавшуюся дверь – но она была заперта, метнулась к следующей двери, торопливо повернула ручку...

На этот раз дверь открылась, я юркнула за дверь и оказалась в какой-то тесной и темной кладовой.

Когда глаза привыкли к скудному освещению, я разглядела полки, на которых стояли картонные коробки и папки. В глубине кладовой был стенной шкаф.

Я спряталась в него – там было тесно и пыльно, но хоть какое-то укрытие...

И очень быстро поняла, насколько это укрытие ненадежно.

Не успела я закрыть за собой дверцы шкафа, как дверь кладовой снова открылась. На пороге появилась, заслонив свет, рослая, массивная фигура, в которой нетрудно было узнать того самого фальшивого полицейского номер один.

Должно быть, он тоже в первый момент плохо видел в темноте, во всяком случае, он вертел головой, стоя на пороге.

Я вжалась спиной в стену, точнее, в какой-то стеллаж. И тут с верхней полки этого стеллажа на меня свалилась коробка.

Мой преследователь фыркнул и проговорил насмешливо:

– Вот ты где! Решила поиграть со мной в прятки? Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать!

Кто не спрятался, я не виноват!

Он шагнул вперед.

Я сжалась от ужаса. Деваться мне было больше некуда...

Но в это время за спиной у псевдополицейского раздались быстрые тяжелые шаги нескольких человек, и резкий внушительный голос проговорил:

– Стоять! Руки за голову!

Мой преследователь попятился, собрался было повернуться – но тот же голос предупредил:

– Я сказал – руки за голову! Сделаешь резкое движение – стреляю! Больше предупреждать не буду!

Первый тяжело вздохнул, поднял руки, положил их на затылок и медленно повернулся. Возле него в коридоре стояли двое рослых плечистых парней в камуфляже и бронежилетах. И, между прочим, с автоматами на изготовку.

– Па-арни! – проговорил Первый, растягивая слова. – Па-арни, вы отку-уда нарисова-ались? Вы чего? Вы отку-уда такие у-умные? Я же свой! Из тридцать девятого отделения!

– Хоть из триста тридцать девятого! – отрезал один из парней в камуфляже. – Мне это глубоко фиолетово! Будешь с начальством нашим разбираться!

С этими словами он поднес к уху массивную трубку переговорного устройства и произнес:

– Шеф, мы одного взяли. Вас понял. Есть доставить. Есть в разговоры не вступать.

Он убрал трубку, ловко застегнул на запястьях фальшивого мента наручники и повел его прочь по коридору.

Прежде чем уйти, мой незадачливый преследователь обернулся и бросил в мою сторону многообещающий взгляд. У меня от этого взгляда мурашки побежали по спине.

Я перевела дыхание, выждала еще несколько минут и только тогда выбралась из своего укрытия, вышла в коридор и спустилась на первый этаж. При этом я чувствовала себя неудобно и то и дело оглядывалась по сторонам – одного-то преследователя на моих глазах поймали, а второй мог еще где-то прятаться.

Когда я проходила мимо охранника, Михалыч внимательно посмотрел на меня.

Я невольно остановилась.

– Загребли твоих друзей, – сообщил он мне вполголоса, – обоих субчиков взяли.

– Да какие они друзья! Знать их не знаю! – честно ответила я.

– Ну, во всяком случае, они про тебя спрашивали.

Видимо, на моем лице был так отчетливо написан испуг, что Михалыч смягчился и проговорил:

– Ну, пока я с ними разговаривал, я незаметно тревожную кнопку нажал.

– Тревожную? – переспросила я.

– Ну да, у нас же на договоре охранный фирма «Аллигатор», при нажатии этой кнопки они должны приезжать в течение пяти минут. Ну, пять не пять, а минут через десять они и правда приехали. А потом они вывели обоих субчиков...

– Точно обоих?

– Обоих, обоих! – успокоил он меня. – Я сам видел.

Я действительно вздохнула с облегчением, но потом проговорила озабоченно:

– Но их, наверное, скоро отпустят.

– Почему ты так думаешь?

– Они сказали, что служат в полиции.

– Ну, они такие же полицейские, как я английский лорд! И еще, идиоты такие, вздумали говорить, что они из тридцать девятого отделения! Да я сам там двадцать пять лет оттрубил!

– Ну да, что-то такое Костик рассказывал.

– Костик болтает много, – недовольно засопел Михалыч. – А этих уродов я знаю по прежней своей работе...

– А кем вы раньше работали?

– Ну, в отделе по борьбе с бандитизмом... в общем, не важно это...

– Что – на работе с ними сталкивались?

– Не на работе, а по работе. Чувствуешь разницу? У нас на эту сладкую парочку много всего было. Они на одного, как сейчас выражаются, авторитетного человека работали. И сейчас, не сомневаюсь, работают. В их профессии работу редко меняют.

– На Зеленого? – ляпнула я сдуру, вспомнив, что говорили между собой эти двое.

– А ты откуда знаешь Зеленцова? – Михалыч удивленно взглянул на меня.

– Кого? – переспросила я.

– Григория Зеленцова, он же Зеленый.

– Да я просто случайно от них эту кличку слышала...

– А говорила, что знать их не знаешь, первый раз видишь... – Теперь в глазах Михалыча я увидела полицейскую подозрительность.

– Да это из-за моей подруги, – с досадой сказала я, – подруга у меня с ними связалась, потом разобралась и убежала, а они ее ищут, вот меня в оборот взяли...

– Вот как? – В голосе Михалыча все еще звучало недоверие. – Ну, в любом случае, держись от них подальше, это очень опасные люди! А уж сам Зеленцов... сейчас он, конечно, считается законопослушным бизнесменом, фирма у него, но когда-то был одним из самых страшных людей в городе. Да думаю, и сейчас не очень изменился.

– Ой, да что вы, Михалыч, я никогда, это все из-за подруги, Катьки, она меня втянула...

– Тщательнее друзей выбирать нужно! – припечатал Михалыч. – Вы, девки, очень уж легкомысленные, все надеетесь, что с вами ничего не случится! Ох, такого я навидался, пока служил, но не буду тебя пугать! Ты девица неглупая, сама выводы сделаешь.

Я опустила глаза, прошла через турникет и вышла на улицу.

Есть мне от всех этих событий уже расхотелось, но я все же дошла до пекарни, купила там свежей выпечки и стаканчик кофе навынос и побрела назад.

По дороге я думала.

Полезное, между прочим, занятие. До сих пор все происходило слишком быстро, у меня не было времени обдумать происходящее, но теперь я сложила два и два и получила...

Получила неожиданный результат.

Вот что этим бандитам, работающим на Зеленого, было от меня нужно?

Они все время повторяли: «Где они, где они?»

Люди они простые, незамысловатые, и если чего-то так упорно добиваются, то, скорее всего – денег. То есть «они» – это деньги.

Лично я у них никаких денег не брала, и вообще до вчерашнего дня не имела дела с самим Зеленым или с кем-то из его людей. Но они так не считали. Они определенно искали меня, точнее – Лидию Викторовну Карасеву. Тот тип, которого я про себя называла Первым, так меня и назвал в самом начале допроса.

Но фокус-то в том, что я и Лидия Карасева – не совсем один и тот же человек. Точнее, совсем не тот же.

Да, именно так. Если честно, я к этой Карасевой не имею ни малейшего отношения. Не хотелось бы об этом рассказывать, но, как говорится в одном старом анекдоте – «а придется!». В общем, вот уже некоторое время я живу по чужому паспорту. Вот этой неизвестной мне гражданки Карасевой, Лидии Викторовны.

Тут я вспомнила тот ужасный день, когда все это началось. День, когда моя судьба изменилась.

Вообще-то, изменилась жизнь моя гораздо раньше, но... об этом позже, а лучше никогда. Я вообще не хочу вспоминать о той, прежней жизни, иначе... иначе можно накликасть беду.

В общем, в тот день я шла по привокзальной площади в Петербурге и думала, куда бы мне сунуться. Точнее, где бы схорониться хоть на время, куда бы приткнуться.

И тут на меня буквально налетела разбитная бабенка, лет прилично за пятьдесят, с неестественно рыжими волосами и наглыми бегающими светло-кариими глазами.

– Ты, подруга, жильё ищешь? – спросила меня эта личность, ухватив за локоть.

– С чего вы взяли? – переспросила я осторожно.

Жизнь научила меня не доверять людям, особенно если у них такие глаза. И оборони меня Боже от таких подружек!

– А с того и взяла, что это у тебя на лице написано! – ответила бабенка и уже ненавязчиво тянула меня куда-то за угол.

– Эй, полегче! Я еще не согласилась! – Я попыталась вырвать руку, но она вцепилась в нее как клещ и хитро заглядывала мне в глаза:

– согласишься, куда тебе деваться! Жить-то где-то нужно, а у меня недорого, и условия самые подходящие. И знаешь, что я тебе скажу? Тебе у меня самое место, потому что мне нет никакого дела, кто ты такая и чего так боишься!

– Я? Боюсь? – переспросила я, и голос дрогнул.

Неужели и правда у меня такой вид, если первая встреченная тетка меня сразу вычислила?

– Конечно! – Тетка хитро усмехнулась, прищурилась. – Еще как боишься! Так вот, меня можешь звать тетя Шура, а я тебя – как скажешь, так и буду называть.

– Лена я... – назвала я первое попавшееся имя.

– Ну, вот и чудно! Вот и познакомились! Лена так Лена! – Она уже подвела меня к мрачному кирпичному дому, к железной двери с домофоном и открыла эту дверь ключом-таблеткой.

И тут я подумала – а почему бы и нет? Мне ведь и правда нужно хоть несколько дней где-то перекантоваться. Ни друзей, ни знакомых у меня в этом городе нет, а если бы и были – лучше с ними не связываться, потому что через них до меня может дотянуться моя *прежняя жизнь*, мое *прошлое*, чтоб оно было неладно... так что эта огненно-рыжая тетя Шура с бегающими глазами – ничуть не хуже любого другого варианта. Тем более что она из тех, с кем лучше не спорить, все равно будет по-ее.

Мы поднялись по крутой темной лестнице, вошли в темную квартиру, где пахло вчерашней едой и нафталином.

Тетя Шура втокнула меня в маленькую темную комнатку, где имелась узкая кровать, стол, накрытый пластиковой скатертью в подсолнухах, которые были в этой комнате, да и во всей квартире единственным ярким пятном, два шатких стула и двустворчатый платяной шкаф. Стены комнаты были оклеены унылыми выцветшими обоями в мелкий голубой цветочек, на полу – рассохшийся паркет.

– Вот тут ты будешь жить! – заявила тетя Шура с такой гордостью, как будто привела меня в пятизвездочный отель.

И тут же сообщила, сколько это будет стоить.

Стоило это немало, как будто и впрямь меня поселили в дорогом отеле. Но я так устала и так хотела остаться одна, что не стала спорить и заплатила – правда, только за три дня, потому что надеялась за это время найти что-нибудь получше.

Тетя Шура схватила деньги и удалилась – видимо, почувствовала мое настроение.

А я, вместо того чтобы лечь и отдохнуть, принялась мерить комнату шагами и обдумывать свое незавидное положение.

Да, пока мне удалось убежать от своей *прежней жизни*, но надолго ли? Эта чертова жизнь дотянется до меня, ухватит меня своими когтями, как только я здесь засвечусь. Значит, мне нужно стать другим человеком. Мне нужно жилье и работа – а значит, нужны документы. Вот именно, на работу устраиваться нужно как можно быстрее, потому что денег у меня мало. Но если я устроюсь на работу под своим именем... тогда незачем было и огород городить с побегом, все равно прошлое меня настигнет рано или поздно.

Новые документы...

А где их достать?

У меня нет никаких связей в криминальном мире. И слава богу, что нет, а то можно так нарваться...

Что-то мне подсказывало, что эта тетя Шура с ее бегающими глазками может решить мою проблему – видно, что та еще пройда. Но опять же, жизнь меня научила никому не доверять, особенно таким, как она. Стоит мне хоть немного приоткрыть перед ней свои тайны – как она вцепится в меня коршуном и вывернет наизнанку, выпьет из меня все соки...

Нет, я должна как-то обойтись без посторонней помощи, своими собственными силами...

Но как?

Я ходила по комнате взад и вперед, как дикий зверь по клетке, и мучительно искала выход из этого положения.

Шесть шагов в одну сторону, шесть в другую... шесть шагов в одну, шесть в другую...

Десять раз, двадцать, сорок...

И каждый раз одна половица скрипела под ногой, как будто была плохо закреплена. Это меня жутко раздражало.

Взад-вперед, взад-вперед, и каждый раз этот отвратительный, сводящий с ума скрип...

Я остановилась, наклонилась и попыталась поправить половицу, чтобы не слышать больше ее раздражающий скрип.

Но половица вообще выпала, осталась у меня в руке.

Я представила, как разорется тетя Шура, сколько она мне наговорит. И денег еще слупит...

Я попыталась вставить паркетину на прежнее место – и вдруг заметила в полу под ней какой-то белый сверток.

Это еще что такое?

Я вытащила сверток. Это был небольшой пластиковый пакет, в котором находилось что-то плоское, довольно твердое. Я развернула пакет – и обнаружила внутри тонкую книжечку паспорта.

Вот это да!

Открыла паспорт – и увидела в нем женское лицо с удивленно вытаращенными глазами.

Вот тогда я и узнала это имя – Лидия Викторовна Карасева.

Имя, которому на некоторое время предстояло стать моим собственным.

Я несколько минут смотрела на паспорт и все не могла поверить в свою удачу. Только что я думала, где бы мне раздобыть новые документы, – и вот, документ сам падает мне в руки. Впору поверить в существование высшей силы и в то, что эта сила ко мне по какой-то неизвестной причине благосклонна.

А что? Неизвестная Лидия Викторовна Карасева примерно моих лет. Ну, допустим, постарше года на два, но с такой точностью возраст никто не определит.

Да и внешне она не так уж сильно от меня отличается. А если немножко поработать над собой – можно свести разницу между нами к минимуму. И вряд ли кто-то станет так уж тщательно сверять меня с фотографией в паспорте. Я же не собираюсь устраиваться на работу в секретную службу...

А самое главное – с новым паспортом я смогу затеряться, ускользнуть от своей *прежней жизни*, от своего *прошлого*. А это – именно то, что мне сейчас нужно...

Оставался, правда, вопрос: почему эта неизвестная мне Лидия Карасева спрятала паспорт под половицей в съемной комнате? – но я предпочла этот вопрос себе не задавать.

В тот день меня беспокоило только одно – как бы до меня не дотянулась моя *прежняя жизнь*.

Я решила, что судьба дает мне еще один шанс, и грешно будет этим шансом не воспользоваться. Опасно, конечно – вдруг эта Карасева преступница и находится в розыске? Но нужно рискнуть, иначе мне не выжить.

Короче, я решила превратиться в Лидию Карасеву. Хотя бы на какое-то время.

Для начала я сходила в магазин и купила там краску для волос, которая превратила меня в блондинку. После этого поработала над макияжем, в первую очередь выщипала брови и нарисовала на их месте новые, удивленно поднятые, и очень скоро стала куда больше похожа на фотографию в паспорте.

Когда ближе к вечеру я столкнулась в коридоре с тетей Шурой, та сначала удивленно уставилась на меня, как будто не узнала, а потом в ее глазах сверкнуло понимание. Видно, догадалась, что я изменила внешность...

Я поняла, что нужно как можно скорее искать другое жилье, а то тетя Шура станет опасной. Она поймет, что я в бегах, что я кого-то боюсь, и попытается использовать мой страх к своей пользе.

Хотя я несколько успокоилась, когда увидела вечером, что хозяйка сидит на захлавленной кухне и попивает коньяк из пузатой рюмки. Бутылка стояла на столе, а также тарелочка с нарезанным лимоном и плитка шоколада, наломанная кусками. Коньяк, как ни странно, оказался дорогим.

Ого, тетя Шура, оказывается, умеет радоваться жизни! Ну, у каждого человека есть свои маленькие слабости.

– Что смотришь? – выверилась на меня хозяйка. – Тебе не налью, самой мало.

– Да мне и не надо, – миролюбиво сказала я.

В общем, именно в тот день я стала Лидией Карасевой.

И дальше все складывалось удачно. Я устроилась на работу, нашла ее в Интернете, то есть мне подошла первая же вакансия – именно сюда, к Студневу. Денег, конечно, мало платят, но в моем положении выбирать не приходится. А потом нашла квартиру и съехала от тети Шуры как можно скорее.

И вот, похоже, сегодня – точнее, вчера – меня догнал результат того решения.

Да, в тот день, перекрашивая волосы и меняя макияж, я думала только об одном, боялась только одного – что меня догонит моя *прошлая жизнь*. И тогда мне не пришла в голову самая простая мысль: если Лидия Карасева снимала комнату у тети Шуры – значит, дела у нее обстояли не просто плохо, а ужасно плохо.

А если ей пришлось прятать паспорт под паркетом – значит, у нее были серьезные проблемы. Может быть, не менее серьезные, чем мои проблемы с *прошлой жизнью*.

И вот теперь эти проблемы докатились до меня... Не в розыске она была, искала ее не полиция, а очень опасный, криминальный человек по кличке Зеленый.

Ясно, что те бандиты, от которых я вчера удрала и которые сегодня заявили ко мне на работу, искали не меня – они искали именно ее, Лидию Карасеву. Значит, она их как-то обхитрила, обжулила, развела на деньги. И они намерены свои деньги вернуть, чего бы это им (и мне) ни стоило. Сегодня мне опять удалось от них улизнуть – но мне не будет везти вечно.

Значит, нужно сделать какой-то упреждающий шаг.

Или снова лечь на дно, снова поменять имя, жилье и работу – или выяснить, что же этим людям нужно от меня... точнее, от прежней Лидии Карасевой.

Да, второй вариант более предпочтительный.

Если я снова ударюсь в бега – мне придется жить, вечно оглядываясь. Больше того, мне придется скрываться и от собственной *прошлой жизни*, и от тех, кто охотится за Лидией Карасевой. А это, на мой взгляд, уже явный перебор.

Превратившись в Лидию Карасеву, я как бы обрела второе дыхание, новую жизнь. Я потратила последние деньги на покупку кое-какой одежды, поскольку с собой у меня было совсем мало вещей, причем покупала вещи довольно дешевые даже не из-за того, что мало денег, а просто пыталась определить, какую бы одежду купила эта самая Лидия Карасева – крашенная блондинка, макияж довольно вульгарный, одежда не то чтобы вызывающая, но наводит на мысли.

Я сняла жилье (ту самую квартиру, из которой теперь пришлось сбежать) и немедленно съехала от тети Шуры.

Тетя Шура попробовала было шипеть, но я резко ее оборвала, сказала, что и так переплатила за лишние дни, но пусть она этими деньгами подавится...

Короче, расстались мы с ней не сказать чтобы друзьями. И я надеялась, что навсегда.

И вот теперь все шло к тому, что мне снова придется с ней увидеться. Эта перспектива не доставляла мне удовольствия, но что поделаешь, надо – значит надо...

К предстоящему визиту я подготовилась основательно – то есть купила бутылку приличного коньяку, не французского, конечно, но не самого дешевого, и коробку конфет. А лимон пускай сама выставит, они нынче дороги, а мне без надобности.

Идти решила я прямо сейчас, не возвращаясь в офис, а то потом до обеда не выйти будет, благо дом тети Шуры тут недалеко, пешком дойти можно.

Подойдя к мрачному кирпичному зданию, я притормозила.

Мне не хотелось звонить тете Шура по домофону – как говорил слон в одном замечательном мультфильме: «Наше оружие – внезапность». Кроме того, тетя Шура могла меня и попросту не впустить. Как я уже говорила, расстались мы с ней далеко не дружески. Поругались, в общем, на прощание.

Тут, на мое счастье, к подъезду подошел парень с большой ярко-красной сумкой за спиной – курьер, доставляющий продукты людям на самоизоляции.

Он позвонил в какую-то квартиру, ему открыли, и я следом за ним проскользнула в подъезд.

По знакомой темной и крутой лестнице я поднялась на пятый этаж, подошла к двери и позвонила.

За дверью раздались шаркающие шаги, дверь открылась, и я сначала ощутила сильнейший запах перегара, а уже потом увидела на пороге тетю Шуру.

Выглядела она не лучшим образом. Красное лицо опухло, под глазами темнели синяки, сквозь нечесанные рыжие волосы проглядывала неопрятная, непрокрашенная седина.

Ага, сидит дома и поддается своей вредной привычке на всю катушку. Причем, судя по аромату, пьет уже все подряд. Что ж, это мне на руку.

– Чего надо? – спросила она, глядя на меня мутным взором.

– Привет, тетя Шура! А я к вам в гости зашла! Или вы меня не узнаете? – затараторила я преувеличенно радостным голосом.

– Какие сейчас гости? – проворчала она. – Все добрые люди по домам сидят...

– А я к вам не с пустыми руками! – Я достала бутылку и повертела перед ней.

При виде этой бутылки глаза тети Шуры загорелись, она облизнула губы и забормотала:

– О, так проходи скорее! Что же ты на пороге-то стоишь? Заходи, Ленусик, посидим, поболтаем! Сколько уж времени не виделись? Месяц, наверное?

– Около того! – проговорила я, переступая порог.

Надо же – она даже вспомнила имя, под которым я у нее жила! Значит, память у нее еще в порядке, не пропила окончательно. Тогда и мне будет от этого визита польза...

Мы прошли на тесную тети-Шурину кухню, кое-как устроились за столом.

Я поставила на стол коньяк и конфеты, тетя Шура достала из шкафчика не слишком чистые пузатые рюмки, выложила от щедрот нарезной батон и пачку масла, подумала и добавила лимон:

– Вот, говорят, очень полезно для этого... именинника...

Я откупорила бутылку, под жадным взглядом тети Шуры наполнила рюмки и проговорила:

– Со свиданьем!

Тетя Шура жадно выпила рюмку. Я поднесла свою к губам, сделала вид, что пью, отставила и снова наполнила тети-Шурину.

– Ну, как вы живете? – осведомилась, оглядываясь по сторонам. Надо же было с чего-то начать разговор.

– Ох, и не спрашивай! – Тетя Шура пригорюнилась, подперла щеку кулаком. – Для меня это самое ужасное время! Я ведь женщина бедная, одинокая, жила только на те гроши, что мне за комнату платили... на те, значит, гроши...

Я вспомнила, сколько она с меня содрала за свой клоповник, но промолчала – мне ее нужно разговорить.

– Конечно, ты меня тогда сильно обидела, – продолжала моя собеседница, поджав губы, – но я человек добрый, отходчивый, зла на тебя не держу...

Мне бы смолчать, но я не удержалась от удивления и выпалила:

– Я? Вас? Чем же это я вас обидела?

– Известно чем! Съехала, заранее не предупредив... по-хорошему, положено за две недели предупреждать, а ты мне прямо вечером сказала, что съезжаешь... и это после всего хорошего, что я для тебя сделала! Нет, правду говорят – нет на свете благодарности!

Ну, тетя Шура! Ну, дает! Интересно, что это хорошее она для меня сделала?

Я не стала развивать эту тему, а вместо этого очередной раз наполнила ее рюмку, подняла свою, все еще полную, и проговорила примирительно:

– Ну, еще по одной! Прошое – оно и есть прошое, от слова «прошло». Кто старое помянет, тетя Шура, – тому глаз вон!

– А кто забудет – тому оба! – закончила она поговорку и жадно допила рюмку.

Да, и это в одиннадцатом часу утра! Ой, спивается тетя Шура... Но мне до этого никакого дела нету.

– Я женщина одинокая, – продолжала она свои жалобы, – жила только с этой комнаты, а сейчас-то никто не приезжает, буквально ни один человек, так вообще плохи дела... комната уж который день пустует! Заработков никаких, выпить – и то не на что... хорошо, вот ты вспомнила тетю Шуру, пришла, да не с пустыми руками...

Угу, выпить ей не на что, то-то запьянела уже, на старые-то дрожжи...

– Тетя Шура, – начала разговор, ради которого пришла, – а кроме меня вас никто из старых жильцов не навещает?

– Никто! Я же говорю – нет в людях благодарности! Пока жили – тетя Шура то, тетя Шура се... а как съехали – так никто не зайдет, никто не позвонит... подарочек ценный не принесет... – она с нежностью уставилась на бутылку.

– А вы-то прежних жильцов помните? – заторопилась я, а то как бы не скопытилась она раньше времени.

– А как же! Конечно, помню! Вот тебя, к примеру, помню... а ты, кстати, не забывай мне подливать. И себе тоже. А то ты, я гляжу, не пьешь. Ты, значит, со мной выпить брезгуешь? – В голосе у нее появились визгливые скандальные нотки.

– Да что вы, тетя Шура! Как вы можете такое говорить? – Я поспешно наполнила ее рюмку, сделала вид, что подливаю и себе, и провозгласила тост:

– За хороших людей!

– Ну да, за хороших... – неуверенно поддержала тетя Шура, и лихо опрокинула свою рюмку.

Глаза ее потеплели и заблестели ярче. И вся она как-то подобралась, села прямо, не растекаясь по стулу. Еще бы волосы расчесать и халат этот застиранный на помойку выбросить...

Я тоже поднесла рюмку к губам, сделала вид, что пью, и продолжила:

– Тетя Шура, а помните вы такую Лиду Карасеву? Она у вас до меня жила...

– Лиду-то? Лиду, конечно, помню. Фамилии я никогда не спрашиваю, до фамилии мне дела нет, а Лиду помню. Тоже примерно как ты – пожила несколько дней и съехала. Только ты хоть мне сказала, что съезжаешь, а та-то, Лида, вообще ни полслова. Ушла из дома – и не вернулась, даже за вещами не пришла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.